

УЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

6
1969

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

ФАН

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Ўн учинчи йил нашри

6
1969

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания тринадцатый

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*), акад. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ, акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР А. М. АМИНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР К. Н. БЕДРИНЦЕВ, член-корр. АН УзССР О. Б. ДЖАМАЛОВ, член-корр. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. редактора*), доктор филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ, канд. ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА, канд. ист. наук М. А. АХУНОВА, канд. филос. наук Н. Г. ГАЙБОВ (*зам. редактора*), Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*К 100-летию со дня рождения
В. И. Ленина*

Р. А. НУРУЛЛИН

**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЛЕНИНСКИХ ПРИНЦИПОВ
МОБИЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В ТУРКЕСТАНЕ
1918—1920 ГОДОВ**

Одним из важных и вместе с тем исключительно сложных периодов в истории советского общества были годы гражданской войны и иностранной интервенции, когда свергнутые Октябрем эксплуататорские классы и иностранные империалисты пытались объединенными усилиями задушить молодую Советскую власть огненным кольцом фронтов и экономической блокадой, голодом и разрухой.

В руках белогвардейцев и интервентов временно оказались три четверти территории нашей страны, важнейшие источники сырья и продовольствия. И без того отсталая экономика страны, разрушенная к тому же многолетней империалистической войной, испытывала исключительные трудности.

В крайне тяжелом положении оказалось и народное хозяйство Советского Туркестана, длительное время оторванного от Центральной России фронтами гражданской войны.

Особенно пострадала основная отрасль промышленности края — хлопкоочистительная, большинство предприятий которой были разрушены или бездействовали из-за отсутствия сырья, материалов, оборудования, финансов, рабочей силы.

Объем продукции кожевенной промышленности составил в 1918 г. лишь 50% довоенного уровня, добыча угля — 30% и т. д.¹ Подвижной состав железных дорог Туркестана к середине 1919 г. сократился более чем в 2 раза². Посевные площади края составили в 1919 г. 1,6 млн. десятин против 3,5 млн. десятин в 1915 г.³ Упадок сельского хозяйства и временное прекращение экономических связей с Центром вызвали в Туркестане острый продовольственный кризис. Республика ощущала резкий дефицит рабочей силы. К середине 1920 г. народному хозяйству ТАССР не хватало минимум 130 тыс. трудоспособных, особенно квалифицированных рабочих и специалистов⁴.

Сложившаяся обстановка потребовала сосредоточения всех ресурсов страны для борьбы с разрухой и голодом, для победы над внутренней и внешней контрреволюцией.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что раз дело дошло до войны, то все усилия партии и народа должны быть направлены на разгром врага. Уже 2 сентября 1918 г. страна была объявлена единым военным лагерем. 30 ноября 1918 г. был создан Совет Рабочей и Крестьянской

¹ I съезд советов народного хозяйства Туркестанской советской социалистической республики, Ташкент, 1919, стр. 13.

² Журн. «Народное хозяйство Туркестана», 1919, № 23, стр. 4—5.

³ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 366, л. 95.

⁴ Там же, ф. Р-735, оп. 1, д. 74, л. 225—232.

Обороны во главе с В. И. Лениным, под руководством которого вся хозяйственно-политическая жизнь страны была перестроена на военный лад.

Условия военного времени заставили внести изменения в политику Советской власти, намеченную В. И. Лениным весной 1918 г. в его знаменитой работе «Очередные задачи Советской власти». Коммунистическая партия под руководством В. И. Ленина разработала и осуществила начиная с лета 1918 г. ряд важнейших мероприятий, продиктованных сложившей обстановкой.

В интересах подчинения народного хозяйства нуждам фронта была форсированными темпами проведена национализация не только крупной и средней, но и мелкой местной промышленности и учреждено строго централизованное управление промышленным производством.

Советская власть ввела продовольственную разверстку на хлеб, фураж и другие продукты сельского хозяйства. «Мы,—говорил В. И. Ленин,—будучи в осажденной крепости, не могли продержаться иначе, как применением разверстки,... лишь бы сохранить способной к борьбе армию и не дать промышленности развалиться совсем»⁵.

Мероприятия партии и правительства, направленные на максимальную мобилизацию и рациональное использование всех наличных ресурсов в интересах обороны страны, получили общее название политики «военного коммунизма». Эта политика, единственно возможная в чрезвычайных условиях гражданской войны и иностранной интервенции, полностью оправдала себя в те годы, когда решался вопрос о самом существовании молодой Советской власти.

Указывая, что «военный коммунизм» надо поставить в заслугу Советской власти, В. И. Ленин писал, что «военный коммунизм» был вынужден войной и разорением»⁶.

Одним из основных звеньев политики «военного коммунизма» была всеобщая трудовая повинность, нацеленная на мобилизацию всего трудоспособного населения на борьбу с хозяйственной разрухой и выполнение работ оборонного значения.

Основные принципы мобилизации трудовых ресурсов страны были разработаны В. И. Лениным. Они предусматривали прежде всего максимальное напряжение трудовых усилий рабочего класса в тылу, введение трудовой повинности для работоспособного населения, милитаризацию важнейших отраслей промышленности, перевод на положение трудовых армий части советских войск по мере ликвидации фронтов гражданской войны.

Первым шагом к введению всеобщей трудовой повинности стало принудительное привлечение к общественно полезному труду эксплуататорских классов. На необходимость этого В. И. Ленин указывал еще до победы Октября. Так, в работе «Удержат ли большевики государственную власть» В. И. Ленин отмечал: «Недостаточно «убрать вон» капиталистов, надо (убрав вон негодных, безнадежных «сопротивленцев») поставить их на новую государственную службу. Это относится и к капиталистам и к известному верхнему слою буржуазной интеллигенции, служащих и т. д.

И мы имеем средство для этого... Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность. «Кто не работает, тот не должен есть» — вот основное, первейшее и главнейшее

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 150.

⁶ Там же, стр. 219.

правило, которое могут ввести в жизнь и введут Советы рабочих депутатов, когда они станут властью»⁷.

Привлечение эксплуататорских элементов к общественно полезному труду стало особенно необходимым в тяжелых условиях гражданской войны. Это позволяло использовать труд рабочих на более ответственных участках производства.

Изучение архивных и газетных материалов показывает, что в Туркестане трудовая повинность для эксплуататорских классов начала вводиться со второй половины 1918 г. 9 сентября 1918 г. Совнарком ТАССР постановил: «Провести в жизнь всеобщую трудовую повинность»⁸. А примерно через месяц, 5 октября 1918 г., правительство Советского Туркестана вынесло решение о создании при ЦСНХ комитета общественных работ и немедленном привлечении к последним «буржуазных и занятых непроизводительным трудом элементов»⁹.

На основе этих директив в Ташкенте, Скобелеве (Фергане)¹⁰, Самарканде¹¹ и других городах края нетрудовые элементы стали принудительно вовлекаться в общественно полезный труд. Они использовались на различных работах — заготовке топлива, ремонте дорог, уборке урожая и т. п.

В марте 1919 г. состоялся VIII съезд РКП(б). В принятой съездом Программе партии предусматривалось «максимальное использование всей имеющейся в государстве рабочей силы, ее правильное распределение и перераспределение как между различными территориальными областями, так и между различными отраслями народного хозяйства». Съезд указал, что «поголовная мобилизация всего трудоспособного населения Советской властью, при участии профессиональных союзов, для выполнения известных общественных работ должна быть применяема несравненно шире и систематичнее, чем это делалось до сих пор»¹².

Почти одновременно с VIII съездом РКП(б) в Ташкенте состоялся VII Краевой съезд Советов Туркестана. Секция труда и социального обеспечения съезда вынесла решение об установлении всеобщей трудовой повинности и разработала развернутую программу ее осуществления. Однако при этом не была учтена специфика местных условий. Трудовая повинность была признана обязательной для всего трудоспособного населения, в том числе женщин¹³.

В силу сохранившихся тогда среди значительной части коренного населения отсталых обычаев и предрассудков привлечение женщин местных национальностей к обязательной трудовой повинности было ошибочным и шло вразрез с национальной политикой партии и Советской власти. Оно противоречило ленинскому указанию о том, что коммунистам Советского Востока не следует «копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий»¹⁴.

Ошибка эта была исправлена приказом ТуркЦИК от 3 июня 1920 г., изданным в осуществление декрета Советского правительства от 29 ян-

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 311.

⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 30, л. 42.

⁹ Там же, д. 62, л. 175.

¹⁰ Ферганский облгосархив, ф. 121, оп. 1, д. 29, т. II, л. 311.

¹¹ Самаркандский облгосархив, ф. 74, оп. 1, д. 5, л. 97.

¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7-е, М., 1953, стр. 422.

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-35, оп. 1, д. 152, л. 8.

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 198.

варя 1920 г. о всеобщей трудовой повинности. ТуркЦИК постановил, что в отличие от центральных районов страны всеобщая трудовая повинность распространяется лишь на мужскую часть населения республики¹⁵.

Вводя всеобщую трудовую повинность, правительство ТАССР предусматривало следующее: 1) привлечение в промышленность квалифицированных рабочих из армии, сельского хозяйства, ремесленно-кустарных предприятий и учреждений; 2) вовлечение в общественно полезный труд эксплуататорских элементов; 3) перераспределение наличной рабочей силы с учетом потребностей фронта и тыла; 4) использование на важнейших участках народного хозяйства бойцов Красной Армии по мере ликвидации основных очагов контрреволюции в крае¹⁶.

В первую очередь мобилизации подлежали нетрудовые элементы (торговцы, спекулянты и проч.), затем — лица, занятые трудом, не имеющим большого значения для народного хозяйства (главным образом кустари). Далее к общественно полезному труду в плановом порядке привлекались те категории населения, которые не были заняты трудом в течение всего года (в основном крестьяне). На основе всеобщей трудовой повинности было проведено максимальное сокращение служащих и неполностью загруженных на производстве рабочих с переклещением их на наиболее ответственные участки народного хозяйства.

Непосредственное руководство проведением всеобщей трудовой повинности осуществляли Краевой и местные комитеты трудовщины, созданные весной и летом 1920 г. из представителей военкоматов, исполкомов (ревкомов) и профсоюзных органов.

К началу июля 1920 г. только в Ташкенте комитетами трудовщины было зарегистрировано 3942 человека, не занятых общественно полезным трудом. Из них 2115 человек были определены на общественные работы в самом городе, а остальные отправлены в Каттакурган.

К октябрю 1920 г. по всеобщей трудовой повинности было мобилизовано и направлено в различные отрасли народного хозяйства: в Ташкенте — 2470, Фергане — 1500, Верном (Алма-Ата) — 1673, Полторацке (Ашхабад) — 1260, Пишпекке (Фрунзе) — 1099, Самарканде — 400, Каттакургане — 100, Коканде — 500, Мерве (Мары) — 257, Намангане — 350, Красноводске — 99, Андижане — 50 чел.¹⁷ Кроме того, в городах края к выполнению государственных заказов были привлечены около 25 тыс. кустарей, объединенных в артели¹⁸.

Сельское население в порядке трудовой повинности привлекалось к уборке урожая, ирригационным работам, ремонту дорог и мостов и т. д. Так, в Лепсинском и Пишпекском уездах несколько сот крестьян были мобилизованы на уборку урожая, в первую очередь с полей, принадлежавших семьям красноармейцев. В Пскентской волости Ташкентского уезда в сентябре 1920 г. 500 дехкан были направлены на строительство канала Даштыхан. В Зангиатинской волости 900 человек были мобилизованы на ремонт гужевого транспорта и т. д.¹⁹

Гораздо труднее оказалось осуществить всеобщую трудовую повинность в кишлаках Ферганской области, охваченной басмачеством. Ферганский областной ревком, не желая обострять военно-политическую обстановку в области и стремясь привлечь колеблющуюся часть дехкан-

¹⁵ Газ. «Набат революции», 30 июня 1920 г.

¹⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 2а, л. 140—141.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-35, оп. 4, д. 32, л. 63; д. 15, л. 2; ф. Р-39, оп. 1, д. 311, л. 133; Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 60, оп. 1, д. 635, л. 2—5.

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-35, оп. 4, д. 32, л. 63.

¹⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 1109, л. 2—11; ф. Р-35, оп. 4, д. 15, л. 2; д. 47, л. 412; ф. Р-39, оп. 1, д. 303, л. 79.

ства на сторону Советской власти, вообще отменил трудовую повинность для кышлагского населения²⁰.

При проведении всеобщей трудовой повинности в Туркестане на первых порах были допущены серьезные ошибки, коренившиеся в недоучете специфики местных условий. Как сообщалось в информационном докладе Турккомиссии, «декрет о трудовом повинности был скопирован с Центральной России и применение его было еще более «революционно», чем там»²¹.

25 октября 1920 г. Турккомиссия специально обсудила вопрос о трудовой повинности, 29 ноября этот вопрос стал предметом совместного обсуждения Турккомиссии и Малого Совнаркома ТАССР. В принятых решениях говорилось, что трудовая повинность «должна проводиться в Туркестане с величайшей осторожностью, принимая во внимание значительно меньшую степень классовой дифференциации в Туркестане»²²; что она «должна проводиться применительно к экономическим особенностям Туркестана, к сознанию и обычаям трудящихся масс. Трудовая мобилизация должна опираться на те формы общественного труда, которые выработаны практикой народных масс, и исходить из них» (исправление оросительных сооружений, строительство дорог и т. д.).

Придавая большое значение восстановлению и развитию хлопководства, Турккомиссия и Малый Совнарком ТАССР постановили освободить от трудовой повинности дехкан-хлопкоробов²³.

В этих решениях Турккомиссии воплощались ленинские принципы национальной политики и учета местных условий при проведении мероприятий Советской власти в национальных районах страны.

В соответствии с директивами Турккомиссии был разработан новый декрет о всеобщей трудовой повинности, проект которого 16 декабря 1920 г. был обсужден и принят на заседании Большого Совнаркома ТАССР²⁴, а 12 января 1921 г. утвержден ТуркЦИК. Согласно декрету, дехканство в порядке трудовой повинности привлекалось лишь к работам местного значения, которые практиковались здесь издавна и в которых оно было заинтересовано (чистка и восстановление ирригационной сети, ремонт мостов, дорог и т. д.). К прочим общественным работам привлекалось в основном городское население²⁵.

В ТАССР была введена также гужевая повинность, по которой население, имеющее перевозочные средства, привлекалось в обязательном порядке к транспортировке войск, военного имущества, хлеба, топлива и т. д.²⁶ Исключение было сделано лишь для дехкан-хлопкоробов, которые по решению Турккомиссии и Малого Совнаркома ТАССР от 29 ноября 1920 г. были освобождены как от трудовой, так и от гужевой повинности²⁷.

Одним из важных мероприятий, направленных на максимальное использование трудовых ресурсов, явились милитаризация труда в наиболее ударных отраслях народного хозяйства и трудовая мобилизация квалифицированных рабочих и специалистов. В первую очередь была проведена милитаризация труда на оборонных предприятиях²⁸,

²⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 305, л. 20—23.

²¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 122, оп. 1, д. 29, л. 74—84.

²² Там же, д. 20, л. 34—35.

²³ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 236, л. 5.

²⁴ Там же, д. 247, л. 22.

²⁵ Там же, ф. Р-17, оп. 1, д. 266, л. 17.

²⁶ Там же, ф. Р-39, оп. 1, д. 343, л. 200.

²⁷ Там же, Р-25, оп. 1, д. 236, л. 5.

²⁸ Там же, ф. Р-27, оп. 1, д. 404, л. 4—6.

затем на железной дороге и предприятиях горнодобывающей промышленности²⁹.

Широко практиковалась и трудовая мобилизация квалифицированных рабочих и специалистов различных отраслей народного хозяйства— железнодорожников, горнорабочих, специалистов по горному делу, сельскому хозяйству, продработников³⁰.

В связи с разгромом основных сил контрреволюции в Туркестане стало возможным пополнить трудовые ресурсы республики за счет специалистов, находившихся в армии. Приказами по Туркфронту от 30 января и 7 декабря 1920 г. по месту прежней работы были откомандированы все железнодорожники, не использовавшиеся в армии по прямой специальности³¹. В конце 1920 — начале 1921 г. для работы в народном хозяйстве из армии были отозваны также специалисты по сельскому хозяйству и работники хлопковой промышленности³².

15 апреля 1920 г. был отдан приказ по Туркфронту, по которому «все свободные от непосредственных военных задач части войск Туркестанского фронта» использовались для работы в народном хозяйстве³³. В течение года в Туркестане на положение трудовых частей были переведены подразделения общей численностью около 22,5 тыс. человек³⁴.

Так осуществление ленинских принципов мобилизации трудовых ресурсов с учетом местных условий обеспечило концентрацию трудовых ресурсов Туркеспублики на важнейших участках народного хозяйства, прежде всего в отраслях оборонного значения, что во многом ускорило успешное завершение гражданской войны в Туркестане.

²⁹ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. Том второй, Алма-Ата, 1964, стр. 571—572; ЦГА УзССР, ф. Р-27, оп. 1, д. 404, л. 4—6.

³⁰ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 122, оп. 1, д. 10, л. 16; ЦГА УзССР, ф. Р-35, оп. 4, д. 26, л. 3; Самаркандский облгосархив, ф. 71, оп. 1, д. 20, л. 3.

³¹ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 297, л. 33; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Том второй, стр. 571—572.

³² ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 296, л. 87; д. 297, л. 52.

³³ ЦГАСА, ф. 110, оп. 1, д. 182, л. 73—75.

³⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-35, оп. 4, д. 125, л. 70.

В. Ш. БАГДАСАРОВ

УСПЕХИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ УЗБЕКИСТАНА
В 1956—1965 ГОДАХ

Победа социализма в нашей стране создала экономические, политические и духовные предпосылки для развертывания строительства коммунизма. Важной вехой в поступательном движении нашего общества к коммунизму стал XX съезд КПСС. Съезд наметил очередные задачи развития производительных сил и культуры всех союзных республик, в том числе Узбекистана.

Принятые XX съездом партии Директивы по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 гг. предусматривали дальнейший рост всех отраслей народного хозяйства на базе преимущественного развития тяжелой промышленности, научно-технического прогресса и повышения производительности труда, новый подъем сельскохозяйственного производства и на этой основе — повышение материального благосостояния и культурного уровня советского народа.

Решения XX съезда КПСС вызвали большой политический и трудовой подъем масс. Коллективы трудящихся принимали повышенные социалистические обязательства по досрочному выполнению пятилетнего плана. Благодаря огромной организационно-политической работе Коммунистической партии и творческому энтузиазму тружеников социалистической промышленности как по Союзу в целом, так и в Узбекистане успешно выполнялись плановые задания по выпуску основных видов промышленной продукции.

В 1956 г. план производства валовой продукции в промышленности Узбекистана был выполнен на 104%. Промышленность Ташкента завершила выполнение годового плана к 17 декабря 1956 г., дав сверхплановой продукции на 227 млн. руб.¹

Крупными производственными достижениями отметили советские люди 1957 год — год 40-летия Великого Октября. Производительность труда в промышленности УзССР увеличилась за год на 7%. Предприятия Узбекистана дали сверх плана различной продукции на сотни миллионов рублей. Промышленность КК АССР выполнила годовое задание на 103,2%. Продукция социалистической индустрии Советского Узбекистана экспортировалась тогда в 41 страну мира².

За 1956—1957 гг. рационализаторы и изобретатели Узбекистана (число которых превысило 12 тыс. человек) внесли более 63 тыс. предложений, из которых 31 тыс. были внедрены с годовым эффектом около 200 млн. руб.

¹ История Узбекской ССР, т. IV, Ташкент, 1968, стр. 256.

² Там же, стр. 258.

В 1958 г. в промышленности УзССР было занято 333,9 тыс. рабочих и служащих против 284,4 тыс. в 1956 г. Только в 1958 г. с отрывом и без отрыва от производства в республике было подготовлено около 57 тыс. рабочих, а удельный вес квалифицированных рабочих вырос до 62%³.

Творческий труд этой многотысячной армии индустриальных кадров Узбекистана обеспечивал успешное выполнение государственных плановых заданий.

Новых достижений добились и работники транспорта, связи, сельского хозяйства. На более высокую ступень поднялась многонациональная социалистическая культура советского народа.

В январе 1959 г. состоялся внеочередной XXI съезд КПСС. Подведя итоги хозяйственного и культурного строительства за 1956—1958 гг., съезд утвердил контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг.

Задания семилетнего плана предусматривали всестороннее развитие производительных сил страны на базе преимущественного развития тяжелой индустрии, научно-технического прогресса и роста производительности труда. Особое значение придавалось форсированному развитию экономики восточных районов страны, в том числе Узбекистана.

Труженики нашей республики, как и всей страны, горячо одобрили решения XXI съезда партии и с большим воодушевлением приступили к воплощению их в жизнь.

Основной технико-экономический прогресс народного хозяйства служит энергетическая промышленность. Поэтому дальнейшему развитию ее было уделено первостепенное внимание. Одной из крупнейших энергетических новостроек страны стала Ташкентская ГРЭС. Увеличились и мощности других электростанций республики. Успешно создавалась единая энергетическая система Узбекистана.

Благодаря открытию Газлинского и других месторождений газа невиданными темпами развивалась новая, исключительно перспективная отрасль энергетики республики — газовая промышленность. В 1965 г. она дала 16,5 млрд. м³ газа против 126 млн. м³ в 1958 г.⁴ Это привело к значительному расширению энергетической базы республики, качественному изменению ее топливного баланса, укреплению сырьевой базы химической промышленности, газификации быта населения Узбекистана. Узбекский газ по гигантским газопроводам пошел в братские республики Средней Азии, Казахстан и центральные районы страны.

Дальнейшее развитие получили в годы семилетки черная и цветная металлургия УзССР. Был расширен Узбекский металлургический завод им. В. И. Ленина — первенец черной металлургии в Средней Азии. Это современное предприятие, оснащенное новейшей техникой, поставляет народному хозяйству республик Средней Азии сталь и прокат, идущие на изготовление сельскохозяйственных машин.

Крупные ассигнования были выделены на комплексное освоение Алмалыкского месторождения цветных металлов и расширение Алмалыкского полиметаллического комбината им. В. И. Ленина.

Быстрыми темпами росла сердцевина тяжелой индустрии — машиностроительная промышленность республики. Продукция этой отрасли с 1958 по 1965 г. увеличилась в 3 раза⁵. Наряду со строительством новых машиностроительных предприятий осуществлялись реконструкция,

³ История Узбекской ССР, т. IV, стр. 260—261.

⁴ Узбекистан за 7 лет (1959—1965 гг.). Краткий статистический сборник, Ташкент, 1966, стр. 26.

⁵ Там же, стр. 24.

автоматизация, модернизация действующих заводов, совершенствовались технология, организация труда, кооперирование и специализация предприятий.

Узбекистан — основная хлопковая база СССР. Поэтому особое внимание уделялось развитию отраслей промышленности, входящих в хлопковый комплекс. Узбекистан дает 98% всех производимых в СССР машин для посева, обработки и уборки урожая хлопка. Машиностроительная промышленность республики играет решающую роль в комплексной механизации хлопководства.

Состоявшийся в сентябре 1961 г. XVI съезд КПУз отметил, что за последние годы в республике построено, введено в действие и реконструировано значительное число предприятий, среди них — Чирчикский электрохимический, Ферганский нефтеперерабатывающий завод, Папский завод резино-технических изделий, Ташкентский комбинат крупнопанельного домостроения, новые электростанции, газопровод Джаркак—Бухара—Самарканд—Ташкент. Завершалось строительство первых очередей Ферганского азотнотукового и Ахангаранского цементного заводов, ряда предприятий цветной металлургии, Ташкентской и Навоийской ГРЭС, химического комбината в Навои и т. д.⁶

Крупные сдвиги произошли и в развитии легкой и пищевой промышленности УзССР в результате строительства новых, реконструкции и расширения действующих предприятий. Это создало материальную основу для увеличения выпуска товаров народного потребления.

Продукция легкой промышленности УзССР с 1958 по 1965 г. выросла на 33%, а пищевой — на 56%⁷. Производство хлопчатобумажных тканей увеличилось за эти годы с 220 до 254 млн. *лог·м*, шелковых — с 21,2 до 37,7 млн. *лог·м*, обуви — с 9,1 до 14,1 млн. пар и т. д.⁸

В годы семилетки был обеспечен дальнейший рост производительности труда во всех отраслях промышленного производства. В целом по промышленности УзССР она выросла на 28%, в том числе в машиностроении — на 107, в химической и резино-асбестовой промышленности — на 71, в промышленности стройматериалов — на 91% и т. д.⁹

Большую роль в подъеме производительности труда играло дальнейшее развитие социалистического соревнования, особенно развертывание патристического движения бригад и ударников коммунистического труда, зародившегося в конце 1958 г., в канун XXI съезда КПСС. К лету 1960 г. в этом движении участвовало более 6 тыс. коллективов, предприятий Узбекистана (свыше 100 тыс. человек) и 1080 из них уже завоевали это почетное звание¹⁰.

За выдающиеся производственные успехи и проявленную инициативу в организации соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1960 г. электрику Ташкентского авиационного завода Алексею Толбухину, бригадиру тракторно-полеводческой бригады совхоза «Аккурган» Алиджану Ташматову и мастеру прокатного цеха Узбекского металлургического завода им. В. И. Ленина Саиду Нурутдинову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

К августу 1965 г. в соревновании за коммунистический труд в целом по УзССР участвовало 720 тыс. человек, а 10 696 бригад, 2041 цех, сме-

⁶ XVI съезд КПУз. Стенографический отчет, Ташкент, 1961, стр. 36.

⁷ Узбекистан за 7 лет..., стр. 24.

⁸ Там же, стр. 28—29.

⁹ Там же, стр. 30.

¹⁰ Текущий архив Узсовпрофа за 1960 г.

на и участок и 93 предприятия республики были удостоены почетного звания коллективов и предприятий коммунистического труда¹¹.

Неуклонно росло и движение изобретателей и рационализаторов. Если в 1958 г. на предприятиях республики насчитывалось около 12 тыс. рационализаторов и изобретателей, то в 1960 г. их стало свыше 16 тыс.¹²

Только за полтора года с их помощью на предприятиях УзССР было осуществлено 1500 мероприятий по внедрению новой техники и передовой технологии, заменено свыше 2800 и модернизировано около 7000 единиц оборудования, введено в эксплуатацию 27 автоматических и полуавтоматических линий, 1150 специальных и автоматических станков¹³.

В 1965 г. на промышленных предприятиях Узбекистана насчитывалось более 57,5 тыс. рационализаторов и изобретателей, в том числе свыше 31,1 тыс. рабочих¹⁴. Своим творческим трудом они вносили большой вклад в технический прогресс на производстве, повышение производительности труда.

Коммунистическая партия придает огромное значение научному руководству развитием народного хозяйства страны. Об этом ярко свидетельствуют мероприятия, разработанные XXIII съездом партии, октябрьским (1964) и последующими Пленумами ЦК КПСС.

XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза с удовлетворением отметил успешное выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Объем промышленной продукции за семилетку вырос на 84%, а основные производственные фонды промышленности — в 2 раза. Было построено более 5500 крупных промышленных предприятий, созданы десятки тысяч новых видов машин и оборудования. Промышленность выпустила на 45 млрд. руб. сверхплановой продукции¹⁵.

Объем промышленного производства в Узбекистане возрос за годы семилетки в 1,8 раза, в том числе химической промышленности — в 2,7 раза, топливной — 2,8, промышленности строительных материалов — 3,3, цветной металлургии — в 6,6 раза и т. д.¹⁶

Капитальные вложения в промышленность УзССР возросли по сравнению с предыдущим семилетием в 3 раза и составили около 3 млрд. руб. В результате в 2,5 раза увеличились основные производственные фонды¹⁷.

Большая работа проведена в области механизации и автоматизации производственных процессов. За годы семилетки было осуществлено свыше 4 тыс. крупных мероприятий по внедрению новой техники и передовой технологии¹⁸.

Намеченный на 1965 г. уровень производства стали (проката), экскаваторов, хлопкоуборочных машин, тракторных прицепов для бестарной перевозки хлопка, компрессоров и других машин был превзойден, перевыполнены и задания по росту производительности труда и снижению себестоимости продукции.

¹¹ Коммунист Узбекистана, 1965, № 7, стр. 19.

¹² Текущий архив Узсовпрофа за 1960 г.

¹³ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 213, д. 154.

¹⁴ Текущий архив Узсовпрофа за 1965 г.

¹⁵ Материалы XXIII съезда КПСС, М., 1966, стр. 118.

¹⁶ Правда Востока, 28 декабря 1963 г.

¹⁷ Правда Востока, 19 декабря 1965 г.

¹⁸ Правда Востока, 19 июня 1963 г.

Высокие темпы индустриального развития Узбекистана в годы семилетки обеспечили широкую механизацию и электрификацию сельскохозяйственного производства. С 1958 по 1965 г. количество тракторов (в 15-сильном исчислении) увеличилось на 59 700, хлопкоуборочных машин — на 1666, зерноуборочных комбайнов — на 1554, автомобилей грузовых (включая автоцистерны) — на 8256¹⁹.

В 1965 г. машинами было убрано 24% урожая хлопка-сырца. В результате механизации производственных процессов резко сократились прямые затраты в расчете на 1 ц продукции хлопководства и других отраслей земледелия и животноводства. Химизация сельского хозяйства способствовала росту урожайности хлопчатника и других культур. Урожайность хлопчатника, например, повысилась с 21,0 ц/га в 1958 г. до 24,2 ц/га в 1965 г.²⁰

Одним из важнейших итогов семилетки явился значительный рост кадров специалистов и работников массовых профессий в промышленном производстве. Среднегодовая численность рабочих и служащих в промышленности УзССР увеличилась до 481,9 тыс. человек, а общая численность специалистов с высшим и средним специальным образованием в народном хозяйстве республики выросла за эти годы с 183,7 тыс. до 362,6 тыс. человек²¹.

Успехи социалистической индустрии и сельского хозяйства обеспечили дальнейший подъем материального и культурного уровня жизни советских людей.

Подводя итоги минувшей семилетки, XXIII съезд КПСС утвердил Директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг. В Директивах указывалось, что «главную экономическую задачу пятилетки партия видит в том, чтобы на основе всемерного использования достижений науки и техники, индустриального развития всего общественного производства, повышения его эффективности и производительности труда обеспечить дальнейший значительный рост промышленности, высокие устойчивые темпы развития сельского хозяйства и благодаря этому добиться существенного подъема уровня жизни народа, более полного удовлетворения материальных и культурных потребностей советских людей»²².

Вдохновленные историческими решениями XXIII съезда партии трудящиеся нашей страны, в том числе Узбекистана, успешно выполнили плановые задания 1966 и юбилейного 1967 года.

В 1966 г. труженики городов и сел, развернув социалистическое соревнование за достойную встречу 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, добились новых достижений в хозяйственном и культурном строительстве. Этому во многом способствовало проведение хозяйственной реформы в нашей стране. К концу 1968 г. по новой системе планирования и экономического стимулирования работало уже 27 тыс. промышленных предприятий, которые дали более 72% всей промышленной продукции и 80% прибыли²³.

В Узбекистане за годы текущей пятилетки вступило в строй много новых предприятий тяжелой и легкой индустрии, а объем промышленного производства за 1966—1968 гг. вырос на 23,5%²⁴.

¹⁹ Народное хозяйство УзССР за 50 лет, Ташкент, 1968, стр. 136.

²⁰ Узбекистан за 7 лет..., стр. 56.

²¹ Там же, стр. 105, 107.

²² Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 68.

²³ Правда, 27 января 1969 г.

²⁴ Правда Востока, 29 января 1969 г.

Успешно выполняются и плановые задания 1969 г. Вместе со всем советским народом трудящиеся нашей республики встречают столетие со дня рождения великого Ленина новыми достижениями на всех участках коммунистического строительства.

В. Ш. Багдасаров

ЎЗБЕКИСТОНДА 1956—1965 ЙИЛЛАРДА ИНДУСТРИАЛ ТАРАҚҚИЕТНИНГ МУВАФФАҚИЯТЛАРИ

Мазкур мақолада олтинчи бешйиллик ва ўтган еттийилликдаги Ўзбекистонда индустриал тараққиёт асосий ютуқларининг қисқача характеристикаси берилган.

Автор хулосада ҳозирги бешйилликда кўп тармоқли социалистик индустриямизнинг келгусидаги тараққиёти ҳақида баъзи маълумотларни келтиради.

А. НУРУЛЛАЕВ

УЗБЕКИСТОН ҚИШЛОҚ ХҲЖАЛИГИДА МЕХАНИЗАТОР КАДРЛАРНИНГ ЕТИШИБ ЧИҚИШИ ВА УЛАР САФИНИНГ КЕНГАЙИШИ

Механизатор кадрларнинг юзага келиши ишчилар билан деҳқонлар ўртасидаги тафовутлар йўқотилиши жараёнининг муҳим босқичидир. Механизатор қиёфасида ҳозирги замон қишлоқларида ижтимоий муносабатларнинг янги шакли намоён бўлади. Иш характери, ижтимоий ишлаб чиқаришда тутган ўрни нуқтан назаридан механизатор индустриал ишчига яқин туради. У ҳар томонлама билимга эга бўлган деҳқон санъатини ўзида мужассамлаштирган, илғор идеология тарқатувчидир.

Механизатор кадрларни етиштириш ва тарбиялаш Коммунистик партиянинг диққат марказида бўлиб келди. Мамлакатимизни индустрлаштириш, қишлоқ хўжалигини коллективлаштириш амалга оширилди, социализм узил-кесил ғалаба қилди. Жамиятимиз қиёфасида катта ижтимоий ўзгаришлар юз берди. Эксплуататор синфлар тугатилиб, ишчилар ва деҳқонлар синфи ҳамда улар орасидан етишиб чиққан зиёлиларнинг бузилмас дўстлиги вужудга келди. Ишчилар синфи отрядларидан бири—қишлоқ хўжалик ишчилари мамлакатимизда совхоз ва МТСларнинг ташкил этилиши билан бирга пайдо бўлди.

Қишлоқ хўжалик ишчиларининг асосий қисмини механизатор кадрлар ташкил қилади.

* *
*

Улуғ Октябрь социалистик революциясига қадар ўзбек халқи бир томондан, рус чоризмининг амалдорлари, иккинчи томондан эса маҳаллий бойлар, муллалар, қулоқлар томонидан эзилар эди. Қишлоқ хўжалиги жуда қолоқ бўлиб, деҳқон хўжалигининг асосий қуроллари — омоқ, мола ва кетмон эди.

Шунинг учун революциядан кейинги, дастлабки йилларда бутунлай саводсиз бўлган маҳаллий халқдан механизатор кадрлар тайёрлашда катта қийинчиликларга дуч келинди. Қийинчиликларга қарамай, қисқа вақт ичида Коммунистик партия раҳбарлигида Ўзбекистонда механизатор кадрлар тайёрлаш ишига киришилди. Омоқ, мола, кетмон ўрнига замонавий қишлоқ хўжалик машиналари пайдо бўлди. Бу машиналарни бошқарувчи кадрлар ҳам тайёрлана бошланди. Натижада ўзбек қишлоқларида тракторчи, шофер, механик, комбайнчи каби янги касблар пайдо бўла бошладди.

Дастлабки даврларда механизатор кадрлар батрак ва камбағал деҳқонлардан тайёрланса, қишлоқ хўжалигини коллективлаштириш даврида эса колхозчилардан тайёрлана бошланди.

1930—1932 йилларда республика қишлоқ хўжалиги учун 18 600 тракторчи тайёрланди. Маҳаллий механизатор кадрларнинг вужудга

келишида рус ишчилар синфи катта ёрдам берди. Партиянинг чақириғига биноан Москва, Ленинград ва бошқа шаҳарлардан Ўзбекистон қишлоқ хўжалигини реконструкция қилишда кўмаклашиш ва доимий ишлаш учун 433 минг ишчи келди. Уларнинг кўпчилиги республикамыз қишлоқ хўжалиги учун механизатор кадрлар тайёрлаш ишига ўз ҳиссаларини қўшдилар. Андижон областининг Хўжаобод районидagi «Ленинниг» колхозининг механиги — Социалистик Меҳнат Қаҳрамони Закир Ражабов, Андижон областининг Жалақудуқ районидa яшaётган, 1924 йилдан буён тракторчи Тошматов Машраб, Андижон район, «Узсельхозтехника» бўлимида шофер бўлиб ишлаётган Ҳасан Ҳайдаров шулар жумласидандир. Коммунистик партия ва Совет давлатининг ғамхўрлиги натижасида Ўзбекистонда аста-секин хотин-қизлардан механизатор кадрлар етиша бошлади. 1931 йилнинг биринчи ярмида республиканинг совхоз ва МТСларида 6,4 минг ўзбек ва бошқа миллат хотин-қизлари ишлаган бўлса, 1933 йилнинг июлига келиб 14682 хотин-қиз ишлади. Демак, қисқа давр ичида Ўзбекистон қишлоқ хўжалиги ишлаб чиқаришида хотин-қизларнинг ҳиссаси икки баравар ошди.

Ўзбек хотин-қизлари орасида биринчи тракторчи бўлиб етишган шахрисабзлик қиз — Анзура Жўраева эди. Анзура Жўраева Шаҳрисабз районининг Авазмалик қишлоғи (ҳозирги «Правда» колхози)да туғилиб, шу ерда вояга етган, комсомол сафига кирган. У Қарши шаҳрида очилган тракторчилар курсини муваффақиятли тамомлаб, 1928 йилнинг баҳоридa Кўкдала совхозига тракторчиларнинг биринчи гуруҳи билан бирга йўлланма олади. У ерда Анзура бир йил тракторчи бўлиб ишлайди.

1929 йилнинг баҳоридa уни босмачилар ваҳшійларча ўлдирдилар. Қаршидаги тракторчилар курсининг бошлиғи, кекса большевик Сидельников Анзуранинг қабри устида қисқача нутқ сўзлаб шундай дейди: «Синфий душманларимиз бизнинг энг яхши тракторчимиз, комсомол аъзоси жасур Анзура Жўраевани ўлдирдилар. Лекин унинг хотираси абадий яшайди. Революциянинг жасур жангчиси Анзуранинг номи халққа большевикчасига хизмат қилишнинг рамзи бўлиб қолади».

Ўзбек хотин-қизлари уларнинг тақдир қисматини ювош ва нодон қулларга маҳкум қилган қуръон ва одатнинг ҳукмини назар-писанд қилмай, мураккаб техникани ўрганиб, тракторларнинг рулига ўтирдилар, автомашиналарни ҳайдай бошладилар. Булар қаторида биринчи Кўқон МТСининг механиги Назарова, Олтиариқ МТСининг бригада механиги Ҳабибахон Мадаминовлар бор эди.

Механизаторлар кенг фронт бўйлаб авж олган қишлоқ хўжалигини социалистик қайта қуришда асосий куч бўлиб, деҳқонлар ҳаётининг ҳамма томонларига ўз таъсирини кўрсатдилар. Эндиликда машинада ишлаб оладиган малакали ишчилар — слесарлар, шоферлар, механиклар асосий роль ўйнай бошладилар.

Машина техникасини кенг қўллаш қишлоқ хўжалиги ишчиларининг моддий аҳволини, турмуши ва онгини тубдан ўзгартирди. Ижтимоий мулкка, ўртоқчилик, ҳамкорликка ва кишиларнинг ўзаро ёрдамига асосланган янги тузум, партиянинг олиб борган идеологик иши шунга олиб келдики, улар эски психология белгиларини йўқотиб, коммунистик ахлоқ принципларини хулқ-атвор нормалари сифатида қабул қила бошладилар.

Шаҳар билан қишлоқ ўртасидаги тафовутни тугатишда МТСлар ролини алоҳида кўрсатиб ўтиш лозим. Шу билан бирга улар (яъни МТСлар А. Н.) қишлоқ хўжалиги ишлаб чиқаришига мураккаб машиналарни қўллаш, кўп сонли тракторчи ва комбайнчиларни, механик кадрларни тайёрлаш ва тарбиялаш натижасида қишлоқ хўжалик меҳ-

натининг индустриал меҳнат турига айланишига ёрдам қилди. Машина-трактор станциялари пайдо бўлган ерларда қишлоқ ўз қиёфасини ўзгартира борди — биринчи даражали асбоб-ускуналар билан жиҳозланган устахоналар, ошхоналар, клублар, амбулаториялар, медпунктлар, болалар яслилари ва боғчалари, радио, телефон, телеграф станциялари пайдо бўлди, Илъчи чироғлари порлади. Синфий душманларнинг, реакцияон руҳонийларнинг курашлари қишлоқларни социалистик асосда қайта қуриш вазифасини қийинлаштирди. Улар қишлоқ хўжалик машиналари ва ускуналарини жорий қилишга қарши кескин кураш олиб бордилар, деҳқонларни қишлоқ хўжалигини механизациялаш ишига ишончсизлик билан қарашга ундадилар. Масалан, улар ерларни тракторлар билан ҳайдаш, ернинг намини йўқотади ва бунинг натижа-сида ҳосил камаяди деб, деҳқонларни қўрқитар эдилар. Тракторлардан чиққан тутун ерларни заҳарлайди, натижада ҳосил бўлмайдди, дердилар. Синфий душманлар қишлоқ хўжалигини машиналаштиришга тиш-тирноқлари билан қарши бўлсалар ҳам уни тўхтата олмадилар. Ўзбек халқи ўз олдига қўйган мақсад — социалистик жамият қуриш учун

I-жа д в л

	1950	1953	1954	1956
1. Тракторчилар	33761	43539	43859	52424
2. Трактор бригадаларининг бригадирлари				
ва уларнинг ёрдамчилари	634)	6826	7863	7463
3. Комбайнчилар	767	1104	886	964
4. Шоферлар	1384	2373	2676	3014
Ж а м и	42261	53842	55384	63865

олга юра бошлади. Қишлоқларимизнинг қишлоқ-хўжалик техникаси билан таъминланиши ва асосий меҳнат процессларининг механизациялаштирилиши қишлоқ хўжалик ишларини енгиллаштирди ҳамда колхоз, совхоз ва МТС ишчиларининг маданий-техникавий савиясини ошириш имконини берди. Улар ўз фаолиятларида жисмоний меҳнатни техник билимлар билан бирга қўшиб олиб бордилар, рационализаторлик ва кашфиётчилик таклифларини киритиб, ишлаб чиқариш талабларига ижодий ёндашдилар. Натижада агрономия билимлари билан жисмоний меҳнатни ўзида мужассамлаштирган, юқори ҳосил учун курашда фаннинг янги ютуқларидан фойдалана биладиган бутунлай янги типдаги деҳқонлар юзага келди.

Мингларча эркак ва аёл колхозчилар мураккаб илғор техникани ўзлаштирдилар, тракторчи, комбайнчи, шофер ва механиклик касбларини эгаллай бошладилар. Кечаги саводсиз деҳқон юқори малакали, техника билан қуролланган саводли ишчига айлана бошлади. Техник жиҳатдан саводли ва сиёсий жиҳатдан чиниққан бу кадрлар коллективлаштиришни амалга оширишда, республика қишлоқ хўжалигини қайта қуришда ва урушдан олдинги бешйиллик планларини муваффақиятли бажаришда муҳим роль ўйнади. Улуғ Ватан уруши даврида ва урушдан кейин Ўзбекистонда бир неча ўн минг механизатор, тракторчи, комбайнчи ва бошқа мутахасислар тайёрланди. Урушдан кейинги етти йил ичида МТСлардаги механизатор кадрлар сонининг ўсиши I-жадвалда кўрсатилган¹.

¹ «Народное хозяйство УзССР». Стат. сборник, Гос. стат. изд-во. Узбекское отделение, Ташкент, 1957, стр. 108.

Механизатор кадрлар тайёрлаш ва уларни тарбиялаш республика партия ташкилотларининг ҳамшиша диққат марказида бўлиб келди. Республикада фақатгина икки йил ичида 1959—1960 йилларда 21 минг ўғил ва қизлар механизаторлик мутахассислигини эгалладилар².

1958 йилнинг март ойида СССР Олий Советининг бешинчи чақириқ бешинчи сессияси «Қолхоз тузумини янада ривожлантириш ва машина-трактор станцияларини қайта ташкил қилиш тўғрисида қарор қабул қилди. Шундан сўнг кўпгина тракторчи, комбайнчи, механик ва шоферлар колхоз-совхозларга ишга ўтдилар. 1958 йил май ойининг ўрталарида 40 мингга яқин механизатор доимий ишлаш учун МТСлардан колхозларга ўтди. Республикада айниқса кейинги йилларда колхоз ва совхозларни механизатор кадрлар билан таъминлаш соҳасида катта ишлар қилинди, мингларча ёш «Зангори кема» капитанлари профессионал-техника билим юртларида, қисқа муддатли курсларда, «Узсельхозтехника» бирлашмаларида, колхоз ва совхозларда билим олиб, механизаторлар сонини янада кўпайтирмоқдалар.

Кейинги йилларда колхоз ва совхозлардаги механизаторлар сафининг кенгайиши 2-жадвалдан кўриниб турибди.

2-жадвал

	1961	1962	1963	1964	1965	1966
1) Колхоз ва совхозлардаги тракторчи, комбайнчиларнинг умумий сони	71,0	76,3	86,1	90,4	98,9	108,2
Шу жумладан:						
колхозларда	57,5	59,8	65,6	68,9	71,3	73,6
совхозларда	13,5	16,5	20,5	21,5	27,6	34,6
2) Колхоз ва совхозларда шоферларнинг умумий сони	24,4	24,8	27,4	28,2	29,8	31,5
Шу жумладан:						
колхозларда	19,7	20,0	21,4	21,8	21,4	21,6
совхозларда	4,7	4,8	6,0	6,4	8,4	9,9

Кўриниб турибдики, тракторчи, комбайнчиларнинг сони 1961 йилдан то 1966 йилгача 37,2 мингга ёки ҳар йили 6 мингдан ортиқ кишига кўпайган. Айниқса механизатор кадрларнинг сони совхозларда тез ўсганини кўрамиз. Агар 1961 йилда совхозларда 13,5 минг механизатор бўлган бўлса, 1966 йилга келиб уларнинг сони 34,6 минг кишига етган ёки икки барабар кўпайган. Ҳозирги даврда ҳар бир колхоз ва совхозларда республикамизнинг машҳур механизаторлари Турсуной Охунова, Жавод Кўчиев, Мамажон Дадажонов издошларини топиш мумкин. Ҳозирги вақтда (1968 йилда) республика далаларида 50 мингдан ортиқ трактор, 28 минг пахта териш агрегати ишлаб турипти³. Бу маълумотлар Ўзбекистон қишлоқ хўжалиги нақадар ривожланганлигидан дарак беради. Айниқса, республика қишлоқ хўжалигини механизатор кадрлар билан таъминлаш соҳасида катта ишлар қилинмоқда. Бу соҳада республика комсомол ташкилотлари томонидан ўтказилаётган чоратадбирлар мақтовга сазовордир. Механизатор кадрларнинг бу даража-

² «Правда», 17 ноября 1961 г.; Советский Узбекистан за 40 лет, Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1964, стр. 218.

³ «Совет Узбекистони», 6 март 1969 йил.

да кўп етилиши буржуа фалсификаторларининг — ўзбеклар техникани эгаллашга, техник прогрессга қодир эмаслар,— деган сафсаталарини чиппака чиқарди.

Ўзбекистонда кейинги йилларда ҳозирги замон мураккаб техникасини яхши биладиган ва ундан унумли фойдалана оладиган машҳур механизаторлар Турсуной Охунова, Жавод Кўчиев (ҳозир у совхоз директори вазифасига кўтарилган), Мамажон Дадажонов, Валентин Тюпко, Манноп Жалолов каби механизаторларнинг янги шонли авлоди етишиб чиқди. Ленин мукофоти лауреатлари Турсуной Охунова, Жавод Кўчиев ва бошқа механизаторларнинг жасорати буржуа фалсификаторларининг сафсаталарини ер билан яқсон қилди. Меҳнатсевар аёл Турсуной Охунова хотин-қизлардан минглаб механизатор кадрлар етиштирди, Коммунистик партия қишлоқ хўжалиги учун механизатор кадрлар тайёрлашга, тарбиялашга ҳар доим катта аҳамият бериб келди ва келмоқда. Айниқса, КПСС Марказий Комитетининг 1965 йил марг ойда бўлиб ўтган Пленуми механизатор кадрларни тайёрлаш, ўқитиш ва тарбиялашга катта аҳамият берди.

КПСС XXIII съезди ҳам қишлоқ хўжалиги учун механизатор кадрлар тайёрлашга алоҳида аҳамият берди. Съезд механизатор кадрлар тайёрлашни яхшилаш; уларнинг моддий манфаатдорлигини оширишни ўз олдига мақсад қилиб қўйди. Ҳозирги вақтда қишлоқ хўжалиги ишлаб чиқаришини ривожлантириш вазифасини турли соҳадаги ихтисосли механизатор кадрлар тайёрлашни яхшиламасдан туриб бажариб бўлмайди. Бу соҳада КПСС МКнинг октябрь Пленуми ҳам алоҳида ўрин тутади.

Кейинги йилларда Коммунистик партия механизатор кадрларни тайёрлаш, ўқитиш, тарбиялаш соҳасида тўпланган тажрибани кенг ёйишга катта аҳамият бермоқда. Қишлоқ хўжалиги механизатор кадрларининг қурултойлари, слётлар ва съездларини ўтказиш яхши анъанага айланиб қолди. Ўзбекистонда бундай мажлис, слёт ва съездлардан бир нечтаси ўтказилиб, бу йиғилишларда пахта ҳосилдорлигини ошириш ва уни машиналарда териб олиш масалалари муҳокама қилинди.

Пахтачиликни келгусида ривожлантиришнинг асосий калити — комплекс механизациядир.

Кейинги йилларда Коммунистик партия ва Совет давлати қишлоқ хўжалигини комплекс механизациялашга муҳим аҳамият бериб келмоқда. Бунда асосий эътибор оғир қўл меҳнатини сиқиб чиқаришга, меҳнат унумдорлигини оширишга ва колхоз-совхоз ишчиларининг моддий аҳволини яхшилашга қаратилади.

Комплекс механизация натижасида қишлоқ хўжалиги меҳнатининг характери ва мазмуни тубдан ўзгаради. Қишлоқ хўжалигини механизациялаштириш, автоматлаштириш, химиялаштириш, электрлаштириш, механизатор кадрларнинг фақатгина сон жиҳатдан кўпайишини таъминламасдан, балки уларнинг маданий-техника савиясини ўстиришни ҳам кўзда тутади. Механизатор кадрларнинг маданий-техника савиясини ўстиришда, уларнинг умумий маълумотлари, техника билимлари, сиёсий ва маданий ўсишлари ишлаб чиқариш тажрибаларининг бойиб бориши ва меҳнат малакаси асосий роль ўйнайди. Қишлоқ хўжалигидаги механизация шаҳар билан қишлоқ, ишчилар билан деҳқонлар ўртасидаги тафовутни тугатиш жараёнини янада тезлаштиради. Автоматлаштириш, меҳнат унумдорлигини ошириш, иш кунини қисқартиш, меҳнаткашларнинг маданий-техника савиясини ўстириш, юқори ҳосил олиш — буларнинг ҳаммаси кишилар қобилиятининг ҳар томонлама ривожланишини таъминлайди, ҳар бир ишчининг битта мутахассисликка боғланиб қолишига барҳам беради.

Ҳозирги вақтда жадал суръатлар билан бораётган колхоз кооператив мулкни умумхалқ мулкига айлантириш колхозлар ижтимоий бойлигининг кўпайиши — ишчилар синфи билан деҳқонларнинг иқтисодий, сиёсий ва маданий жиҳатдан бир-бирига яқинлашувининг шартларидан бири бўлиб, шаҳар билан қишлоқ ва ақлий меҳнат билан жисмоний меҳнат ўртасидаги тафовутни йўқотишга олиб келади. Социалистик қурилиш жараёнида шаҳар ва қишлоқ меҳнаткашлари маданий-техника савиясининг тез ўсиши натижасида улар ўртасидаги фарқлар ҳам аста-секин йўқола боради. КПСС Программасида таъкидланганидек, қишлоқ хўжалик меҳнати саноат меҳнатининг бир турига айланиб бормоқда. Пахта териш машинаси пухталикини, аниқликини, муайянликини, интизомликини талаб қилади. Шунинг учун унинг ҳайдовчиси секин-аста энг юқори малакали саноат ишчисидан фарқ қилмайдиган янги илғор қишлоқ хўжалик ишчисига айланади. Механизаторлар томонидан қўлланилаётган техника унинг меҳнاتини завқли, мароқли, қувончли қилади, унинг талантининг ўсишига ва қобилиятининг очилишига ёрдам беради.

Республикаимиз кейинги уч йил ичида давлатга 12 миллион 138 минг тонна ёки бундан олдинги 3 йилдагига қараганда 874 минг тонна кўп пахта сотди. Об-ҳавонинг ноқулай келишига қарамасдан 1968 йилда давлатга 4 миллион 100 минг тонна «оқ олтин» топширилди.

1968 йилда 1 миллион 620 минг тонна ёки жами ҳосилнинг 40 процентдан кўпроғи машиналар билан териб олинди. Республика совхозларида 56,1 процент, Андижон области совхозларида қарийб 66 процент, Наманган области совхозларида қарийб 71 процент, «Голодностепстрой» совхозларида 69,7 процент «оқ олтин» «зангори кемалар» бункерларидан тўкилди.

Пахта ҳосилини машинада териб олишда азамат механизаторларимиз катта муваффақиятларга эришдилар. Турсуной Охунова, Валентин Тюпко, Жавод Кўчиев, Манноп Жалолов, Мамажон Дадажонов, Шоймардон Қудратов, Ҳафиз Полвонов ва уларнинг минглаб издошлари ҳар мавсумда машина билан пахта териш йиллик нормаларини икки баравар ва ундан ҳам ошириб бажармоқдалар.

«Советобод» совхозида Социалистик Меҳнат Қаҳрамони Шоймардон Қудратов 1968 йил мавсумида тўрт қаторли «Ўзбекистон» машинаси билан 528 тонна пахта териб рекорд қўйди. «Сурхон» совхозида Абдусаттор Қурбонов машинада 407 тонна, «Комсомолобод» совхозида Отамурод Худайназаров 360 тонна, «Қосон» совхозида Хонкелди Холиқов 350 тонна, «Янгиобод» совхозида Светлана Продан 330 тонна пахта териб бердилар.

Бу соҳада Қорақалпоғистон АССР колхозлари ва совхозларида ҳам катта муваффақиятларга эришилди. Қорақалпоғистон АССР кейинги йилларда комплекс механизациялашда, ҳосил йиғим-теримини машиналаштиришда олга томон улкан қадамлар қўйди. 1968 йил пахта ҳосилининг 44 проценти машиналар билан териб олинганлиги бунга мисол бўла олади. Унлаб пешқадам «Зангори кема» капитанлари пахта машинада теришда ўрнатқучлар. Шуманай районидаги «Шуманай» совхозининг механик ҳайдовчиси А. Сариев 250 тонна, Чимбост районидаги Авезов номли совхознинг механик ҳайдовчиси М. Ернӣзова 220 тонна, шу райондаги «Октябрь 40 йиллиги» совхозининг механик ҳайдовчиси Р. Сапарбоева 215 тонна пахта терди. Бундай мисолларни республикаимиз ҳаётидан кўплаб келтириш мумкин.

* *
*

КПСС Марказий Комитети Октябрь (1968 й.) Пленумида техникадан унумли фойдаланишда механизатор кадрларнинг роли катта эканлиги кўрсатиб ўтилди. Механизатор ҳозирги кунда республикаимиз қишлоқ хўжалигида асосий фигурага айланиб бормоқда.

СССР Министрлар Советининг яқинда қабул қилган хотин-қизларни қишлоқ хўжалиги меҳнатида иштирок этишга янада кенгроқ жалб қилиш тўғрисидаги қарори қишлоқ хўжалигини механизатор кадрлар билан таъминлаш вазифасини ҳал этишда катта аҳамиятга эгадир. Қарорда тракторчи машинист, чорвачилик фермаларининг механизаторлари, шофёр сифатида ишлаётган хотин-қизлар учун имтиёзлар ва хотин-қизларни қишлоқ хўжалигида малакали меҳнатга кенг жалб этишга ёрдам берувчи чора-тадбирлар ёритиб берилган.

Механизаторлар ҳозирги замон машиналарининг бир қанча турларини эгаллаб олиб, пахтадан арзон ва мўл ҳосил олмақдалар. Улар ернинг ҳақиқий хўжайини, ҳукмдорига айланмоқдалар.

1969 йилда республика пахтакорлари олдида янги, буюк вазифалар турибди. 1969 йилда Ўзбекистон механизаторлари камида бир миллион 800 минг тонна пахтани машиналарда терадилар. Бу республика механизаторларининг ватанимизда коммунизм қурилиши ишига қўшган муносиб ҳиссаси ҳисобланади.

А. Нуруллаев

СОЗДАНИЕ И РОСТ КАДРОВ МЕХАНИЗАТОРОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА УЗБЕКИСТАНА

Статья посвящена истории создания и росту механизаторских кадров в совхозах и колхозах Узбекистана начиная с 20-х годов, т. е. с момента появления на полях республики первых тракторов, вплоть до наших дней. Автор подчеркивает огромную роль многотысячной армии механизаторов, в том числе женщин, в борьбе за комплексную механизацию хлопководства и других отраслей сельского хозяйства.

Г. М. МИНЬКОВСКИЙ, Б. И. ПИНХАСОВ

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ДОКУМЕНТ»
И «ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО»**

Обобщение следственно-судебной практики (прежде всего по делам о подлогах и иных преступных действиях, связанных с использованием документов) позволяет выявить одну характерную особенность использования документов в доказывании: любая процессуально допустимая информация о существенных обстоятельствах дела (сообщения свидетелей, потерпевших, обвиняемых, заключения экспертов, следы преступления и т. д.) всегда может быть отнесена к одному виду доказательств, тогда как документы играют в доказывании двоякую роль — либо как «просто» документы, либо как вещественные доказательства.

Каковы же критерии отнесения документов к тому или другому виду доказательств? В специальной литературе по этому вопросу высказаны следующие точки зрения:

а) «просто» документы важны только своим содержанием, а вещественные доказательства — следами на них, местом и обстоятельствами их обнаружения;

б) вещественное доказательство незаменимо, документ заменим;

в) документы исследуются с помощью осмотра, вещественные доказательства — с помощью экспертизы;

г) документ как самостоятельный вид доказательств отличается от документа — вещественного доказательства по способу сохранения и передачи фактической информации о существенных обстоятельствах дела.

Рассмотрим каждый из этих аспектов подробнее, в частности применительно к практике доказывания по делам о подлогах и иных преступных деяниях, связанных с использованием документов.

Разграничение документов на «просто» документы и вещественные доказательства по признаку важности для дела их содержания или внешнего вида (наличия следов), места и других условий обнаружения не носит универсального характера, а следовательно, не может помочь определению в каждом конкретном случае правильной процедуры и тактики оперирования документом.

Конечно, в отдельных, наиболее простых случаях отнесение документа к одному из указанных видов доказательств возможно и по этому признаку. Например, вещественным доказательством будет служить документ, на котором обнаружены пятна красящих веществ, отпечатки пальцев подделывателя и т. д. Такой документ по существу ничем не отличается от иных объектов, на которых обнаружены аналогичные следы¹. Но в более сложных случаях разграничение по рассматриваем-

¹ В этой связи А. А. Эйман замечает: «Не является документом в процессуальном смысле записка, на которой найден отпечаток пальца, ибо доказывается не тот

тому признаку невозможно. Например, как правильно отмечает М. М. Выдря, акт ревизии, которым умышленно скрыта недостача, пришлось бы рассматривать как «просто» документ, а не вещественное доказательство². Между тем закон (ст. 59, 64 УПК УзССР, ст. 83, 88 УПК РСФСР) прямо относит подложные документы к вещественным доказательствам.

Аналогичный пример может быть приведен и с подлинным документом. Так, накладная, устанавливающая факт получения обвиняемым материальных ценностей, которые он не оприходовал, будет служить согласно закону (ст. 59, 64 УПК УзССР, ст. 83, 88 УПК РСФСР), вещественным доказательством. Очевидно, что в указанных случаях значение вещественного доказательства документ приобретает благодаря своему содержанию, а не внешнему виду³.

Таким образом, приобретение документом значения вещественного доказательства отнюдь не всегда связано с его внешним видом, местом или иными условиями обнаружения. Более того, можно утверждать, что и в большинстве случаев, когда доказательственное значение имеет внешний вид (наличие следов) либо место и иные условия обнаружения документа, для дела небезразлично и его содержание. Так, документ, принадлежащий обвиняемому и обнаруженный вместе с инструментами и материалами, использованными при подделках, выступает как вещественное доказательство не только в силу места его обнаружения, но и в силу содержания, из которого усматривается, что он был выдан именно обвиняемому. И, наоборот, вещественное доказательство, важное для дела в первую очередь своим содержанием (например, накладная о получении обвиняемым материальных ценностей, которые он не оприходовал), приобретает значение доказательства данного факта лишь при несомненности подписи в ней именно данного лица. А этот факт устанавливается исследованием подписи, т. е. по внешнему виду документа.

Итак, для вещественного доказательства в большинстве случаев характерно не разграничение признаков, относящихся к содержанию и к внешнему виду или условиям обнаружения документа, а относимость к делу этих признаков или даже необходимость их сочетания. Поскольку же речь идет о подложных документах, это сочетание имеется во всех случаях, ибо изготовление подложного документа или внесение изменений в подлинный документ всегда проявляется и во внешнем виде, и в содержании.

Не вполне точно и традиционное мнение о том, что «просто» документ имеет значение для дела лишь в силу своего содержания. Конечно, фактическая информация запечатлена именно в его содержании, но, решая вопросы допустимости документа в качестве доказательства, а в ряде случаев и его подлинности, мы анализируем и признаки, относящиеся к внешнему виду. Например, обвиняемый отрицает подлинность объяснений, приобщенных к акту ревизии, утверждая, что он их не давал и не подписывал. Установление на основе заключения эксперта-почерковеда того факта, что эти объяснения исполнены и подписаны обвиняемым, выступает необходимым условием использования объяснений в

факт, о котором сообщается в записке, а то, что к данной записке прикасался обвиняемый. Такая записка — вещественное доказательство и только» (А. А. Эйсмэн. Заключение эксперта, М., 1967, стр. 140).

² См. М. М. Выдря. Вещественные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 49.

³ Можно привести и другие примеры, когда документ становится вещественным доказательством именно в силу своего содержания — наличия в нем сведений, составляющих государственную тайну, клеветнических утверждений и т. д.

качестве документа при доказывании. Установление же подложности обьяснений превращает их в вещественные доказательства по делу о злоупотреблении соответствующего должностного лица и обуславливает исключение их из числа «просто» документов.

В. П. Власов предлагал разграничивать «просто» документы и вещественные доказательства по признаку связи последних «по своему происхождению, использованию или нахождению с расследуемым преступлением»⁴. Однако предлагаемый признак недостаточно определен и, кроме того, не охватывает ряд вещественных доказательств — подлинных документов (например, накладные и доверенности, по которым были получены неоприходованные получателем материальные ценности).

Не имеет универсального характера и признак незаменимости, будто бы отграничивающий документы как вещественные доказательства от «просто» документов. Прежде всего сам тезис о незаменимости только вещественных доказательств неточен с гносеологической точки зрения⁵. Любой материальный объект индивидуален, неповторим и в этом смысле незаменим. К тому же по общему правилу любой факт прошлого можно установить не одним, а несколькими путями, ибо он порождает информацию о себе нескольких видов. Так, факт изготовления обвиняемым подложного документа можно установить показаниями самого обвиняемого, показаниями свидетелей, заключением эксперта.

М. С. Строгович, предлагая рассматриваемый критерий для разграничения документов как вещественных доказательств и «просто» документов, вводит существенное уточнение: «Если вещественное доказательство утрачено, нельзя создать другое, заменяющее его вещественное доказательство»⁶.

Иными словами, М. С. Строгович считает, что можно повторить допрос обвиняемого, действия по истребованию справки, характеристики, назначить новую экспертизу и т. д. Но действия по получению вещественного доказательства, аналогичного утраченному, осуществлять бесцельно.

Думается, что такое понятие, по правильному замечанию В. П. Власова, является относительным⁷.

Мы уже говорили, что вещественное доказательство как любое другое доказательство, можно в ряде случаев заменить доказательствами иного вида — протоколом осмотра, показаниями и др. Оказывается, однако, что иногда утраченное или обнаруженное вещественное доказательство может быть заменено другим, подобным ему вещественным доказательством⁸. Например, утраченный документ, фиксирующий операцию с материальными ценностями, заменяется в доказывании вторым экземпляром или копией, имеющейся в делах соответствующего учреждения; фотокопия подложной накладной, уничтоженной расхити-

⁴ В. П. Власов. Следственный осмотр и предварительное исследование документов, М., 1961, стр. 22.

⁵ См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная», М., 1967, стр. 296.

⁶ М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 249.

⁷ См. В. П. Власов. Указ. соч., стр. 24.

⁸ Речь здесь идет именно о замене, а не о «восстановлении» вещественного доказательства, как полагает М. М. Выдря (см. М. М. Выдря. Указ. соч., стр. 54). Это неточное высказывание автора, стоящего в целом по рассматриваемому вопросу на правильной позиции, подверг обоснованной критике В. П. Власов (см. В. П. Власов. Указ. соч., стр. 24).

телями, — другим отпечатком с имеющегося негатива; «пробный» оттиск поддельной печати (штампа), обнаруженный на листе бумаги при обыске, — таким же оттиском, обнаруженным в другом месте, и др. Однако могут оказаться незаменимыми для дела (в том числе незаменимыми аналогичными доказательствами того же вида) документы, не являющиеся вещественными доказательствами, как, например, справка, выданная на основе архивных данных, если последние утрачены (архив уничтожен, сгорел и т. д.), или полученные в стадии возбуждения уголовного дела объяснения лица, впоследствии скрывшегося или умершего.

Опровержима и точка зрения о том, что критерием разграничения документов как вещественных доказательств от прочих документов может служить способ исследования их в уголовном деле. Из практики известно, что способов исследования, специфичных только для вещественных доказательств, нет. С одной стороны, осмотр выступает необходимым, а в ряде случаев и достаточным способом исследования документов — вещественных доказательств. С другой стороны, документы, не являющиеся вещественным доказательством, нередко требуют экспертизы (в частности, первичные бухгалтерские документы, счетные регистры, акты ревизии). И, если в результате исследования оказывается, что часть их фактически является вещественными доказательствами и соответственно меняется режим их собирания, приобщения к делу и хранения, то другие документы используются экспертом для обоснования своих выводов как «просто» документы.

Экспертиза как способ исследования документов, не являющихся вещественными доказательствами, широко применяется и при выяснении обстоятельств, связанных с психическим и физическим здоровьем обвиняемого или потерпевшего (дневниковые записи и письма душевнобольных, истории болезни и др.).

Все сказанное не означает, однако, что правы те авторы, которые говорят о невозможности отграничения документов как вещественных доказательств от прочих документов.

Дело в том, что документ, не являющийся вещественным доказательством, содержит информацию, заключающуюся в описании фактов прошлого в письменной или устной (фонограмма) форме, а также двухмерном световом изображении действий лиц, явлений, объектов, имеющих три измерения⁹.

В документах же, выступающих в качестве вещественных доказательств, информация о существенных для дела фактах состоит в запечатлении признаков фактов, доступных непосредственному наблюдению в ходе следственно-судебных действий¹⁰. Иначе говоря, документ как вещественное доказательство фиксирует не описание материальных следов и признаков, а сами эти следы или признаки.

Таким образом, способ сохранения и передачи фактической информации о существенных для дела обстоятельствах может служить достоверным критерием, позволяющим в каждом конкретном случае отличить документы — вещественные доказательства от других документов

⁹ При доказывании, отмечает В. Д. Арсеньев, сигналами информации могут быть различные материальные признаки — письменная речь, чертежи, изображения предметов на фотопленке и т. д. (см. В. Д. Арсеньев. Вопросы общей теории судебных доказательств, М., 1964, стр. 85).

¹⁰ Использование для такого наблюдения в некоторых случаях специальных приборов и привлечение специалистов не меняет сути этого положения.

и, следовательно, избрать правильный процессуальный режим и тактику собрания и проверки соответствующего доказательства, правильно оценить его с учетом всех обстоятельств дела.

Г. М. Миньковский, Б. И. Пинхасов

«ҲУЖЖАТ» ВА «ДАЛИЛИЙ АШЕЛАР» ТУШУНЧАСИНИНГ МУНОСАБАТИ

Мазкур мунозарали (дискуссион) шаклда ёзилган мақолада авторлар далилий ашёларга ўхшаш ҳужжатларни шунга ўхшаш («шунчаки» ҳужжатлар) ҳужжатлардан (тергов-суд тажрибасида) нисбатан белгиларига қараб фарқлаш мумкинлигини кўрсатувчи ўз нуқтаи назарларини айтадилар.

А. М. КУЛИКОВА

ЗАРОЖДЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Конец XVIII — начало XIX в. характеризуются, как известно, значительным оживлением внешней политики Российского государства. Экономические успехи, связанные с развитием элементов капиталистического уклада, решение ряда важнейших внешнеполитических задач (укрепление западных границ государства, утверждение России на Балтийском море, выход к Черному морю и др.) позволили России резко активизировать свою политику на Востоке. К этому времени относится возникновение сложнейшего узла политических проблем — так называемого «восточного вопроса», в решение которого были втянуты западно-европейские государства, Россия, Иран, Турция и другие страны¹. В первое десятилетие XIX в. в состав России вошли Грузия и Северный Азербайджан. Присоединение этих территорий и утверждение России на Черноморском побережье обострило ее отношения с Ираном и Турцией. Усилилась потребность России в районы Казахстана и Средней Азии, через которые шла все более оживленная торговля с Афганистаном. Активизировалась и внешняя политика России на Дальнем Востоке.

Растущие связи со странами Востока требовали значительного числа специалистов (дипломатов, военных, купцов и др.), знающих восточные языки. В начале XIX в. даже Коллегия иностранных дел испытывала нехватку переводчиков, «особливо из природных россиян, за неимением потребных заведений к обучению»². Большое количество чиновников, знающих восточные языки, требовалось и для национальных окраин империи. Известно, например, что после присоединения Крыма князь Потемкин обращался в Казанскую гимназию за переводчиками, но «потребных ему толмачей едва ли раздобыл»³.

Эти и другие объективные факторы усиливают интерес российской общественности и особенно научных кругов к восточной проблематике.

Уже в XVIII в., явившемся в истории отечественного востоковедения «периодом собрания необходимых данных и накопления опыта»⁴, было собрано значительное количество археологических, нумизматических, этнографических, лингвистических, географических, антропологических, эпиграфических и других материалов по Востоку. Наибольшую ценность представляли коллекции восточных рукописей.

¹ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках, М., 1958, стр. 171.

² ЦГИАЛ, ф. 732, оп. 1, д. 295, л. 1.

³ Н. П. Загоскин. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования (1804—1904), т. 1, Казань, 1902, стр. 220.

⁴ А. Н. Кононов. Крупнейший центр советского востоковедения, Вестник высшей школы, 1956, № 2, стр. 32.

Государственными хранилищами восточных экспонатов в начале XIX в. были основанные Петром I кунсткамера и библиотека, коллекции которых к этому времени содержали рукописи, ксилографы, книги и монеты почти всех народов Востока⁵. Богатые материалы этих учреждений дополнялись частными восточными собраниями, примером которых может служить коллекция А. Я. Италинского (1743—1827), известного дипломата и знатока арабского языка⁶. Эта коллекция, собранная в Турции, была составлена «с большим знанием предмета» и использовалась владельцем в его научных работах⁷. Материалы государственных собраний тогда «еще не являлись предметом специального изучения»⁸, но они послужили основой дальнейшего развития востоковедения.

В начале XIX в. намечается систематизация гуманитарных наук, в частности зарождение востоковедения как самостоятельной дисциплины. Так, были сделаны попытки более или менее научного подхода к изучению Древнего Востока⁹. К тому же периоду относится и начало отечественной индологии, основоположником которой был Г. С. Лебедев (1749—1817)¹⁰. Он первым из русских совершил поездку в Индию с научной целью (1785—1797)¹¹ и привлек к ней внимание русской науки. Во время путешествия Г. С. Лебедев собирал различные материалы, изучал санскрит и, что особенно важно, живые индийские языки¹². В 1801 г. он издал в Англии грамматику «языка хиндустани» — первую русскую работу, основанную «на самостоятельном изучении одного из новоиндийских языков»¹³. Вернувшись в Россию, Г. С. Лебедев служил переводчиком в Коллегии иностранных дел и основал в Петербурге единственную в Европе типографию с индийским шрифтом, в которой издал в 1805 г. оригинальный труд «Беспристрастное созерцание систем восточной Индии браминов, священных обрядов и их народных обычаев».

С конца XVIII в. значительно расширился «круг арабистических интересов», хотя, как правило, отсутствовало непосредственное знакомство с арабским языком и первоисточниками. Тем интереснее отметить деятельность А. Я. Италинского. «Российский посланник» в Риме и Турции, он основательно знал арабский язык и, используя рукописи из своей коллекции, издавал работы по восточной тематике (об этрусских вазах, по эпиграфике и т. д.). Впоследствии он был избран членом «Азиатского общества» в Париже¹⁴.

⁵ История Академии наук СССР, т. I (1724—1803), М.—Л., 1958, стр. 410; Т. В. Станюкович. Кунсткамера Петербургской Академии наук, М.—Л., 1953, стр. 209.

⁶ Коллекция А. Я. Италинского по его завещанию перешла в Учебное отделение Института восточных языков МИД; ныне хранится в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

⁷ И. Ю. Крачковский. Один из первых исследователей восточных элементов в «Слове о полку Игореве», Очерки по истории русского востоковедения, сб. I, М., 1953, стр. 26—28.

⁸ Д. И. Тихонов. Из истории Азиатского музея, Очерки по истории русского востоковедения, сб. II, М., 1956, стр. 454.

⁹ В. И. Авдиев. Советская наука о древнем Востоке за 40 лет, М., 1958, стр. 3.

¹⁰ О. Ф. Соловьев. Из истории русско-индийских связей, М., 1958, стр. 39.

¹¹ В. С. Воробьев-Десятовский. Русский индолог Герасим Степанович Лебедев. Очерки по истории русского востоковедения, сб. II, стр. 41—53.

¹² Л. С. Гамаюнов. Из истории изучения Индии в России (К вопросу о деятельности Г. С. Лебедева), Очерки по истории русского востоковедения, сб. II, стр. 116—117.

¹³ С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I, СПб., 1904, стр. 619.

¹⁴ И. Ю. Крачковский. Один из первых исследователей восточных элементов в «Слове о полку Игореве», стр. 26—28.

С именем Я. И. Шмидта (1779—1847) связаны первые в России научные работы по монголоведению. Он познакомился с монгольским языком во время пребывания у астраханских калмыков в 1804 г.¹⁵

В конце XVIII — начале XIX в. Н. Бантыш-Каменский составил труд под названием: «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами, с 1619 по 1792 год», «сохранивший свое значение и до настоящего времени»¹⁶. Серьезное изучение Китая началось еще во второй половине XVIII в.¹⁷ и до возникновения университетского китаеведения было сосредоточено (вместе с маньчжуристикой) в Пекинской духовной миссии¹⁸.

Развитию ориенталистики в России способствовали также дипломатические командировки, политические миссии, военные экспедиции и т. п.

Известный вклад в историю востоковедения связан с именем И. Ф. Крузенштерна (1770—1846). В 1797—1799 гг. он побывал в Ост-Индии и Китае¹⁹. В Ост-Индии он заказал у переписчика копию местной рукописи, содержащей «Историю малайцев с древнейших времен до завоевания Малайи португальцами»²⁰, привез ее в Петербург и в 1802 г. подарил Академии наук, откуда она поступила в Азиатский музей²¹.

Совершенное под начальством И. Ф. Крузенштерна первое русское кругосветное путешествие (1803—1806) на кораблях «Надежда» и «Нева»²² также содействовало развитию востоковедения в России. Экспедиция впервые выяснила «расположение островов Японского архипелага»²³, собрала большой и интересный материал о Японии и прилегающих районах, представленный в виде дневников, работ, записей Крузенштерна²⁴ и других участников плавания — Ю. Ф. Лисянского, М. Коцебу, И. Кошелева, М. Рагманова, Н. П. Резанова²⁵ и др. Так, Н. П. Резанов вел дневник, который был опубликован под заглавием: «Первое

¹⁵ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925, стр. 268.

¹⁶ Эта работа была издана лишь в 1882 г. в Казани Б. М. Флоринским. См. А. Л. Гальперин. Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке в XVII в.—середине XIX в., Очерки по истории русского востоковедения, сб. II, стр. 19.

¹⁷ С. А. Токарев. История русской этнографии (дооктябрьский период), М., 1966, стр. 135—136, 158.

¹⁸ В. Н. Занегин. О собраниях китайских книг в библиотеках России и СССР, Вестник истории мировой культуры, 1958, № 5, стр. 137; см. также П. Е. Скачков. История изучения Китая в России в XVII и XVIII вв. (Краткий очерк), в сб. «Международные связи России в XVII—XVIII вв. (экономика, политика и культура)», М., 1966, стр. 180.

¹⁹ И. Ф. Крузенштерн. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП), 1846, октябрь, отд. V, стр. 36—37; Адмирал И. Ф. Крузенштерн (перевод из немецкого журнала «Inland», 1846, № 44), Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, т. LXV, № 257, СПб., 1847, стр. 34—36; Адмирал Иван Федорович Крузенштерн, СПб., 1869, стр. 6; ЦГА ВМФ СССР, ф. 14, оп. 1, л. 266, и др.

²⁰ Ныне рукопись хранится в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (далее: Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР), шифр: разряд (коллекция) I «Индия и Индонезия», оп. 5, д. 8 и 9. На форзаце I тома рукописи (д. 8) имеется запись на немецком языке (готическим письмом), сделанная рукой Х. Д. Френа. Приведенные данные о малайской рукописи взяты из этой записи.

²¹ Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год, т. IV, 1786—1803, СПб., 1911, стр. 1027, § 309; В. Д о р н. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg, St.-Ptb., 1846, S. 11, 114.

²² В. В. Невский. Первое путешествие россиян вокруг света, [М.], 1951; Протоколы Академии наук за 1810 г., § 129, Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1а, кн. 21.

²³ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, стр. 233.

²⁴ И. Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева», М., 1950.

²⁵ В литературе встречается два варианта этой фамилии: Резанов и Рязанов,

путешествие россиян около света...»²⁶, а также составил «Словарь японского языка, по Российскому алфавиту собранный...» и «Руководство к познанию японского языка...»²⁷.

К началу XIX в. относятся первые научные командировки русских ученых в восточные районы России и зарубежные страны Востока (Египет, Сирия и др.) с целью изучения разговорного языка, знакомства с памятниками культуры, сбора книг и рукописей²⁸.

Уже в XVIII в. в России «изучались все крупные восточные языки»²⁹. Однако имелись лишь отдельные знатоки этих языков. В начале XIX в. восточные дисциплины преподавались в ряде средних и специальных учебных заведений страны. При Казанской гимназии, например, с 1800 г. существовал «особливый из взрослых учеников класс», где готовили переводчиков татарского языка³⁰. Некоторые восточные языки преподавались в народных училищах³¹. Курс еврейского языка проходили учащиеся духовных академий и семинарий³². Китайский и маньчжурский языки систематически изучались при Духовной миссии в Пекине³³. До 1816 г. существовала школа японского языка при Иркутской гимназии³⁴, где в начале XIX в. японец по фамилии Колотыгин «наставления свои ученикам преподает, по неимению книг японских посредством изустных разговоров»³⁵.

К началу XIX в. в России имелись уже печатные учебные пособия по турецкому, грузинскому, армянскому, чувашскому и другим восточным языкам³⁶.

Все это создавало «необходимую базу для дальнейшего прогресса нашего востоковедения»³⁷. Однако организация подготовки кадров ориенталистов, в частности преподавания восточных языков, отставала от потребностей востоковедения и тормозила его развитие. Прежде всего надо было «ввести изучение этих языков в университеты, где к ним были бы применены требования науки»³⁸. Эта проблема была решена в результате реформы системы образования в России, проведенной в начале XIX в.

8 сентября 1802 г. был издан манифест об учреждении восьми министерств, в том числе Министерства народного просвещения³⁹. Ему были

²⁶ Отечественные записки, 1822, ч. X, XI, XII; 1824, ч. XX; 1825, ч. XXIII, XXIV.

²⁷ Словарь и Руководство в 1805 г. поступили в Академию наук (см. Б. А. Дорн, П. С. Савельев. Азиатский музей Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 52, оп. 1, л. 87, л. 5) и в настоящее время хранятся в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР, шифр: разряд 1, ол. 4, д. 1—3.

²⁸ М. В. Райт. Русские путешественники и ученые в Африке (XV — начало XX вв.). Вестник истории мировой культуры, 1960, № 2, стр. 101.

²⁹ История Академии наук СССР, т. I, стр. 409.

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 732, оп. 1, д. 295, л. 9.

³¹ Там же, л. 9; Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, Труды III Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876, т. I, СПб., 1879—1880, стр. 122, 125.

³² ЦГИАЛ, ф. 732, оп. 2, д. 99, л. 23 об.

³³ П. Е. Скачков. История изучения Китая в России, стр. 180.

³⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, т. I, СПб., 1864, стр. 804—805, Указ 27 июня 1816 г. «Об упразднении состоящего при Иркутской гимназии класса японского языка».

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 732, оп. 1, д. 295, л. 9 об.

³⁶ С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, стр. 431—432, 438, 446—448, 479, 513 и др.

³⁷ А. Н. Кононов. Восточный факультет Ленинградского университета (1855—1955), Вестник Ленинградского университета, 1957, № 8, стр. 6.

³⁸ Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, стр. 110.

³⁹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), собрание 1, т. XXVII, № 20406.

предоставлены довольно широкие полномочия по руководству всеми научными, учебными и культурными учреждениями⁴⁰, в том числе университетами. Исполнительным органом Министерства в первой половине XIX в. был департамент народного просвещения, созданный в начале 1803 г.

25 июля 1803 г. был утвержден новый академический Устав⁴¹, по которому Академия наук определялась, как «первое учебное общество в Империи», в котором надлежащее место уделялось и гуманитарным наукам. Характерно, что первый ее член-корреспондент из русских Г. И. Спасский был избран «по разряду восточной словесности и древностей»⁴².

В 1804 г. при Московском университете было основано Общество истории и древностей российских. В изданиях Общества и в научно-литературных журналах того времени: «Санкт-Петербургский журнал» (основан в 1798 г. И. П. Пниним), «Вестник Европы» (основан в 1802 г. Н. М. Карамзиным), «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения» (с 1803 г., издание Министерства просвещения) и других — была представлена восточная тематика.

Еще 8 сентября 1802 г., в день создания Министерства народного просвещения, для подготовки и проведения намеченной учебной реформы при нем была учреждена «Комиссия об училищах»⁴³. Она обсудила несколько проектов создания различных типов учебных заведений⁴⁴.

После обсуждения был принят проект члена комиссии А. Чарго-рижского. Этот проект лег в основу законодательного документа, определявшего принципы правительственной политики в области просвещения и известного под названием «Предварительные правила народного просвещения». Они были утверждены указом 24 января 1803 г.⁴⁵ «Правилами», кроме существовавшего с 1755 г. Московского, Дерптского (1802) и Виленского (1803) университетов, предусматривалось открытие университетов в Петербурге, Харькове и Казани⁴⁶. По числу университетов было создано 6 учебных округов. Существовал еще университет в Або (ныне Турку, Финляндия), учрежденный в 1640 г.⁴⁷, но учебного округа при нем образовано не было.

5 ноября 1804 г. были утверждены Уставы Московского⁴⁸, Харьковского⁴⁹ и Казанского⁵⁰ университетов. По Уставам каждый университет разделялся на четыре отделения наук: 1) нравственных и политических, 2) физических и математических, 3) медицинских, 4) словесных. На последнем отделении по штату предполагался профессор восточных языков⁵¹. Кроме того, в Казанском университете разрешалось дополнительно ввести должность лектора татарского языка⁵².

⁴⁰ А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века, М.—Л., 1957, стр. 180.

⁴¹ ПСЗ, собрание I, т. XXVII, № 20863.

⁴² История Академии наук СССР, т. II (1803—1917), М.—Л., 1964, стр. 219.

⁴³ ПСЗ, собрание I, т. XXVII, № 20407.

⁴⁴ И. Пнин. Опыт о просвещении относительно к России, СПб., 1804, стр. 110; стр. 380—382.

⁴⁵ ПСЗ, собрание I, т. XXVII, № 20597.

⁴⁶ Там же, № 20598.

⁴⁷ Альманах в память двухсотлетнего юбилея Императорского Александровского университета, Гельсингфорс, 1842, стр. 14.

⁴⁸ ПСЗ, собрание I, т. XXVIII, № 21498.

⁴⁹ Там же, № 21499.

⁵⁰ Там же, № 21500.

⁵¹ Там же, № 21498—21500.

⁵² Там же, № 21500.

По словам В. В. Бартольда, под восточными языками «тогда в России, как и на Западе, понимали языки Библии и мусульманских народов»⁵³. Н. И. Веселовский отмечает, что «под восточными языками тогда разумелись языки арабский и персидский, которые, по примеру Западной Европы, были соединены в одну кафедру»⁵⁴. В самих Уставах понятие восточных языков не раскрывалось, что позволило университетам по собственной инициативе вводить дополнительные курсы.

В университете в г. Або со времени его основания полагалась кафедра греческого и еврейского языков. В 1827 г. этот университет сгорел и возродился уже в Гельсингфорсе (Хельсинки), где существовала штатная кафедра восточных языков, на которой преподавались главным образом еврейский, а также санскрит и новоперсидский язык⁵⁵.

В Дерптском (Тарту) университете стали преподаваться еврейский, сирийский и халдейский языки, а затем арабский. Эти языки считались дополнительными дисциплинами при изучении богословия, и должность профессора восточных языков занимал заведующий кафедрой экзегетики⁵⁶.

В Виленском университете существовала кафедра еврейского языка⁵⁷, которая, как и в Дерпте, играла, очевидно, вспомогательную роль при изучении богословских наук. В 1810 г. университет «избрал было в профессора восточных языков члена С.-Петербургской Академии наук г. Клапрота, но по случаю выезда его за границу выбор сей остался без действия»⁵⁸. Вторая попытка учредить самостоятельную кафедру восточных языков в Виленском университете относится к 1822 г., когда на нее предполагалось направить выпускника университета О. И. Сенковского⁵⁹. Однако он поступил на службу в Петербургский университет, и восточная кафедра в Вильно так и осталась незамещенной. Во всяком случае, в 20-е годы XIX в. выпускники Виленского университета для изучения восточных языков поступали в Казанский университет⁶⁰.

В Харьковском университете кафедра восточных языков, введенная по Уставу 1804 г., была замещена с самого начала университетских лекций (январь 1805 г.), когда «к преподаванию Восточной словесности был допущен в качестве Адъюнкта, Пастор Харьковского Евангелического Общества Варендт⁶¹, занимавший слушателей своих Еврейской Грамматикой и переводами Псалмов с присовокуплением более теоретического, нежели практического, курса под названием: «Филология восточных языков»⁶². С 1806 г. чтение этих курсов было прекращено до приезда в 1830 г. в Харьков профессора Б. А. Дорна. По мнению Н. И. Весе-

⁵³ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, стр. 232.

⁵⁴ Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, стр. 110.

⁵⁵ Альманах в память двухсотлетнего юбилея Императорского Александровского университета, стр. 14, 86 и др.

⁵⁶ Е. В. Петухов. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования 1802—1902, т. I, Юрьев, 1902, стр. 106, 146 и др.

⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 20, д. 255, л. 7 об.

⁵⁸ Там же, л. 8.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, стр. 112.

⁶¹ По В. В. Бартольду — Бэрндт. См. «Обзор деятельности факультета, 1855—1905, Материалы для истории факультета восточных языков, т. IV, СПб., 1909, стр. 24.

⁶² А. Рославский-Петровский. Об ученой деятельности Императорского Харьковского университета в первое десятилетие его существования, ЖМНП, СПб., 1855, ч. 87, раздел V, стр. 23.

ловского, «преподавание это не могло иметь никаких последствий, все равно, как бы его и вовсе не было»⁶³.

По Уставу 1804 г. в Казанском университете, как мы уже отмечали, полагались профессор восточных языков и лектор татарского языка. Кафедра восточных языков начала свою работу с 1807 г. Здесь преподавались арабский и персидский языки⁶⁴. Кафедру занимал приглашенный из-за границы по рекомендации известного немецкого ориенталиста О.-Г. Тихсена Х. Д. Френ. 3 августа 1807 г. он был назначен ординарным профессором и занимал кафедру до 1817 г.⁶⁵ На должность лектора татарского языка был принят в 1811 г. преподаватель Казанской гимназии татарин Ибрагим Хальфин⁶⁶.

В Московском университете числившаяся по Уставу 1804 г. кафедра восточных языков была открыта лишь в 1811 г. Арабский, персидский и еврейский языки преподавал здесь самостоятельно изучивший их за границей выпускник Московского университета А. В. Болдырев⁶⁷.

В Петербурге введение высшего востоковедного образования началось с преподавания арабского и персидского языков в Главном педагогическом институте⁶⁸, согласно Уставу, утвержденному 23 декабря 1816 г.⁶⁹ Чтение лекций началось 22 марта 1818 г. Курс персидского языка вел Ф. Б. Шармуа, арабского — Ж. Ф. Деманж⁷⁰. Эти курсы стали преподаваться и в открытом в 1819 г. Петербургском университете⁷¹.

На начальном этапе своего существования университетское востоковедение в России имело ряд недостатков: неопределенная направленность кафедры восточных языков, отсутствие программы и учебных планов, недостаток преподавателей и порой низкий уровень преподавания, незначительное число подготовленных слушателей и т. п. Однако университетский Устав 1804 г. имел важное значение для истории отечественного востоковедения, ибо он «впервые планомерно вводил преподавание восточных языков в программу высшей школы, уделяя им особую кафедру»⁷². Тем самым было положено начало организации высшего востоковедного образования в России.

⁶³ Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, стр. 115.

⁶⁴ А. С. Шофман, Г. Ф. Шамов. Восточный разряд Казанского университета (Краткий очерк), Очерки по истории русского востоковедения, сб. II, стр. 420.

⁶⁵ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 22, д. 37, «Формулярный список о службе академика... Христиана Данилова сына Френа», л. 6 об—9.

⁶⁶ Н. П. Загоскин. История Императорского университета, т. I, стр. 220.

⁶⁷ В. В. Бартольд. Обзор деятельности факультета..., стр. 31—32; История Московского университета, т. I, М., 1955, стр. 181.

⁶⁸ Открытие Петербургского университета состоялось в 1819 г. До этого, с апреля 1804 г., здесь действовал Педагогический институт, созданный на основе учительской гимназии и считавшийся отделением «имеющего учредить в Санкт-Петербурге университета» (ПСЗ, собрание I, т. XXVIII, № 21265).

⁶⁹ ПСЗ, собрание I, т. XXXIII, № 26573.

⁷⁰ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 20, д. 235, л. 2—2 об.

⁷¹ С 1805 г. отдельные восточные дисциплины были введены и в некоторых средних учебных заведениях России (ЦГИАЛ, ф. 732, оп. 1, д. 295, л. 9, 11, 28 и др.; Г. Ю. Маннс. Востоковедение в Иркутском университете, Иркутск, 1926, стр. 31).

⁷² И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики, М.—Л., 1950, стр. 73.

А. М. Куликова**РОССИЯДА УНИВЕРСИТЕТ ШАРҚШУНОСЛИГИНИНГ ТАШҚИЛ ТОПИШИ**

Мақолада Россияда (XIX аср бошлари) университет шарқшунослигининг ташкил топиши ҳақида маълумот берилади. Автор Россияда шарқшуносликнинг ривожланишида 1804 йилги университет Уставининг аҳамиятини алоҳида таъкидлаб ўтади.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ВЛИЯНИЕ ФОНДО- И ЭЛЕКТРОВОООРУЖЕННОСТИ НА РОСТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

(По материалам предприятий сельскохозяйственного машиностроения УзССР)

Сельскохозяйственное машиностроение — одна из важнейших отраслей промышленности нашей республики. Дальнейшее развитие ее во многом зависит от роста производительности труда на основе ускорения темпов научно-технического прогресса, всемерного совершенствования организации труда и производства.

В подъеме производительности труда огромную роль играет рост фондовооруженности и электровооруженности труда.

За 1961—1967 гг. фондовооруженность труда на предприятиях сельскохозяйственного машиностроения УзССР увеличилась в среднем по отрасли на 30,3%. Наиболее высокие темпы роста ее отмечались на тракторосборочном заводе (56,7%), «Узбексельмаше» (35%) и «Ташсельмаше» (35,3%). По абсолютной сумме основных фондов в расчете на одного работающего наиболее низким уровнем отличался «Ташхимсельмаш», а самым высоким — тракторосборочный завод.

О влиянии фондовооруженности на производительность труда на заводах сельскохозяйственного машиностроения республики можно судить по данным табл. 1 (в % к 1960 г.).

Как видно, рост фондовооруженности ведет к непрерывному повышению производительности труда, причем на 1% прироста фондовооруженности приходилось 1,9% прироста производительности труда.

Правда, на отдельных заводах («Ташсельмаш», тракторосборочный) рост фондовооруженности не обеспечил соответствующее повышение производительности труда.

Однако на темпы роста показателей производительности труда, рассчитанных как выработка валовой продукции в неизменных ценах на одного работающего, существенно влияет изменение стоимости покупок, комплектующих изделий и полуфабрикатов. Если учесть это, то окажется, что выработка валовой продукции на одного работающего в рассматриваемый период опережала рост фондовооруженности труда всего на 16%.

Отсюда следует, что за последние 6 лет

в сельскохозяйственном машиностроении республики прирост продукции (за вычетом покупных изделий) в основном был получен лишь за счет увеличения вложений в основные фонды. С 1961 по 1967 г. среднегодовая стоимость основных фондов по отрасли возросла на 50%, а численность работающих — на 17%. Валовая продукция за это время увеличилась на 77%.

Из этих данных может показаться, что рост валовой продукции за счет повышения производительности труда составил 10% (77—50—17). Между тем валовая продукция (за вычетом покупных изделий) увеличилась за это время на 74%. Только рост численности рабочих и стоимости основных фондов должны были дать прирост объема производства на 67% (50+17) против фактических 74%. Отсюда следует, что рост основных фондов и фондовооруженности сопровождался повышением эффективности их использования.

Сравнение данных о росте производительности труда, рассчитанных по действующей методологии (табл. 1), с данными, учитывающими стоимость покупных изделий, выявляет крупные расхождения между ними по всем заводам.

Вместе с систематическим ростом выработки на одного работающего всей валовой продукции сельскохозяйственного машиностроения росла и выработка с учетом стоимости покупных изделий. Однако в 1962—1966 гг. по заводу «Ташхимсельмаш», в 1961—1965 гг. — по «Красному двигателю» и в 1962 г. — по «Ташавтомашу» выработка на одного работающего валовой продукции за вычетом стоимости покупных изделий была ниже, чем в 1960 г. В то же время по данным официального отчета (табл. 1), показатели производительности труда по этим заводам были в указанные годы намного выше, чем в 1960 г.

Отсюда следует, что при сравнении темпов роста основных фондов и производительности труда надо исходить из роста выработки на одного рабочего (или работающего) валовой продукции за вычетом стоимости покупных изделий.

Стоимость покупных изделий в затратах на производство систематически растет.

Удельный вес их в себестоимости всей товарной продукции по 7 заводам увеличился с 48% в 1961 г. до 55% в 1967 г. Наиболее высок удельный вес покупных изделий на тракторосборочном заводе, где доля их повысилась с 82% в 1961 г. до 85% в 1966 г. Самый низкий удельный вес покупных изделий отмечался на заводе «Красный двигатель» (1965 г. — 3%).

На тракторосборочном заводе электроэнергия для технологических целей применяется меньше, чем на других предприятиях. Отчасти это объясняется небольшим объемом работ по электросварке и эксплуатации электрических печей. На двигательную силу здесь расходуется 76,2% потребляемой электроэнергии. На заводах «Узбексельмаш» и «Чирчиксельмаш» на

Т а б л и ц а 1

Завод	Рост фондовооруженности			Рост производительности труда		
	1961 г.	1965 г.	1967 г.	1961 г.	1965 г.	1967 г.
Ташсельмаш*	108,9	139,8	140,0	130,7	129,2	139,0
Узбексельмаш*	105,0	134,3	144,4	104,7	151,6	181,1
Чирчиксельмаш*	107,1	121,6	118,0	90,0	135,7	143,5
Ташхимсельмаш*	130,0	164,4	160,7	154,8	87,4	87,8
Красный двигатель*	102,7	107,9	112,8	118,8	150,6	154,0
Ташавтомаш*	71,3	100,0	105,0	117,2	167,4	201,5
Тракторосборочный	83,5	126,7	130,9	71,6	107,9	119,3
В среднем по отрасли	103,2	128,0	136,0	111,0	148,0	166,0

Рост удельного веса покупных изделий в себестоимости товарной продукции свидетельствует о совершенствовании форм организации производства и способствует увеличению выпуска продукции. Однако при анализе результатов хозяйственной деятельности предприятий надо учитывать влияние этого фактора на показатели

технологические цели расходовалось соответственно 56,4 и 55,9% и на двигательную силу — 33,6 и 40,0%, а на заводе «Ташсельмаш» — 32,7 и 60,7%.

Электровооруженность труда — важный показатель энергетической мощи отрасли. Влияние этого фактора на производительность труда в сельхозмашиностроении

	1961 г.	1965 г.	1967 г.	Среднего- довые тем- пы роста за 7 лет
Электровооруженность труда	118	170	185	12,1
Производительность труда	111	148	166	9,4

использования основных фондов и рост производительности труда.

Техническая вооруженность труда характеризуется также уровнем электровооруженности. Электроэнергия на заводах сельскохозяйственного машиностроения, как и на других предприятиях, применяется на технологические цели и как двигательная сила.

Из общего количества электроэнергии, потребляемой на предприятиях сельскохозяйственного машиностроения республики, по данным 1967 г., 41,8% расходовалось на технологические цели, а 51,9% — на двигательную силу.

Соотношение электроэнергии, потребляемой на технологические цели и на двигательную силу, зависит от структуры силового оборудования и специфики данного производства.

УзССР характеризуется следующими данными (в % к 1960 г.):

Рост электровооруженности труда свидетельствует о внедрении в производство прогрессивных электротехнологических процессов — электросварки, электроплавильных печей, обработки деталей токами высокой частоты и др.

Все это говорит о том, что за последние годы достигнуты существенные успехи в повышении уровня фондо- и электровооруженности труда на предприятиях сельскохозяйственного машиностроения УзССР, что способствовало дальнейшему росту производительности труда и улучшению всех технико-экономических показателей производства в этой важной отрасли социальной индустрии республики.

Б. Вахидов

К ПРОБЛЕМЕ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В КОЛХОЗАХ УЗБЕКИСТАНА

Обеспечение неуклонного подъема хлопководства и других отраслей сельского хозяйства республики требует мобилизации творческих усилий всех труженников села на борьбу за дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства. Огромное значение при этом имеет рациональное использование трудовых ресурсов в колхозах Узбекистана.

Значительные трудности в решении этой задачи создает сезонность затрат труда, неравномерность использования рабочей силы в сельском хозяйстве в течение года.

Сезонность затрат труда в сельском хозяйстве конкретно выражается в перерывах в процессе труда, связанных с возможностями самой рабочей силы, технологией производства, климатическими условиями.

Наиболее важно рациональное использование фонда рабочего времени в период хлопкоуборочной кампании. Каждое хозяйство должно составить на уборочный период четкий график использования рабочей силы, при разработке которого целесообразно учитывать отчетные балансы рабочей силы за предыдущие годы.

Имеющиеся на практике недостатки в использовании трудовых ресурсов колхозов можно показать на примере сельхозартели им. Ахунбабаева Наманганского района Наманганской области по данным ее годового отчета за 1967 г.

В отчетном году в колхозе работало 1283 взрослых трудоспособных колхозника, из них 610 мужчин и 673 женщины. Чтобы определить возможный фонд всех взрослых трудоспособных, надо сначала установить максимально возможный фонд одного взрослого трудоспособного за год. По расчетам специалистов, в сельском хозяйстве Узбекистана этот фонд составляет в среднем 280 дней в году.

Следовательно, возможный фонд рабочего времени взрослых трудоспособных колхозников сельхозартели им. Ахунбабаева в 1967 г. был равен (1283×280) 359 240 человеко-дней. Прочие категории колхозников (подростки, престарелые) выработали $(21\ 750 + 6950)$ 28 700 человеко-дней. Общий фонд рабочего времени составил, таким образом, $(359\ 240 + 28\ 700)$ 387 940 человеко-дней. Фактически же за год было отработано 276 000 человеко-дней. Из них 520 человеко-дней были отработаны вне колхозной территории, а 11 215 — нетрудоспособными.

Итак, уровень использования фонда рабочего времени в колхозе достигал 60,8% $\left(\frac{264\ 265 \times 100}{387\ 940}\right)$, что ниже среднего показателя по колхозам Узбекистана.

Общий запас сезонных резервов составил в колхозе 123 675 человеко-дней, или свыше 440 условных работников.

Наиболее напряженный период уборки хлопка-сырца в данном колхозе прихо-

дится из сентябрь-октябрь. В октябре 1967 г. среднемесячное количество работающих было равно 1270, причем это были в основном взрослые трудоспособные, а также подростки. Из лиц старшего возраста не работало 51 человек. Число рабочих дней в октябре — 26. Значит, трудовые ресурсы колхоза в октябре были равны (26×1321) 34 346 человеко-дням. Фактически же отработано 32 300 человеко-дней (98,9%) и сезонный резерв составил в октябре 46 человеко-дней. Между тем колхоз привлек со стороны 291 человека, что явилось результатом нерационального использования имеющихся в хозяйстве трудовых ресурсов.

Возьмем теперь минимальный по напряженности месяц — январь. Часть колхозников в это время находятся в отпуске, многим престарелым зимой трудно работать, а подростки учатся. Количество среднемесячных работников составляет 451 человек, а число рабочих дней в январе — 22. Следовательно, трудовые ресурсы колхоза в январе равны 9922 человеко-дням, а фактически отработано 5320 человеко-дней (53,6%). Сезонный резерв составил 4602 человеко-дня, или 209 условных работников.

Таким образом, анализ годового отчета колхоза им. Ахунбабаева за 1967 г. свидетельствует о неэффективном использовании фонда рабочего времени трудоспособных колхозников.

Для улучшения использования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве следует прежде всего преодолеть сезонность трудовых затрат. Опыт передовых хозяйств подтверждает реальную возможность равномерного использования трудовых ресурсов в колхозах и совхозах в течение года на основе рационального сочетания отраслей сельскохозяйственного производства, повышения уровня механизации сельскохозяйственных работ, лучшей организации труда и производства, развития агро-промышленных комплексов по переработке сельскохозяйственных продуктов, создания подсобных предприятий и планомерного перераспределения рабочей силы по отраслям народного хозяйства.

Партия и правительство неоднократно указывали на необходимость развития подсобных предприятий и промыслов в колхозах, совхозах, других сельскохозяйственных предприятиях и межколхозных организациях в интересах рационального использования трудовых, материальных и сырьевых ресурсов.

Неэффективное использование собственных трудовых ресурсов хозяйств приводит к тому, что в напряженные периоды полевых работ, особенно во время хлопкоуборочной кампании, они прибегают к привлечению рабочей силы со стороны, хотя в этом нет объективной необходимости.

Ныне подавляющее большинство колхозов располагают достаточным количеством трудоспособного населения, квалифицированных специалистов, механизаторов, которые при хорошей организации дела, умелом использовании техники и других ресурсов могут успешно провести все сельскохозяйственные работы собственными силами. Об этом свидетельствуют, например, следующие расчеты за октябрь 1967 г. по колхозу им. Ахунбабаева Наманганского района. Сельхозартель могла тогда выставить 1988 собственных работников, а фактически работало 1561 человек, в том числе 291 — со стороны¹.

Таким образом, руководители хозяйства не обеспечили даже в напряженный период уборки хлопка участия в полевых работах 718 колхозников.

Все это отрицательно сказывается на экономике колхозов. Так, по данным годового отчета колхоза им. Ахунбабаева за 1967 г., на привлечение рабочей силы со стороны было израсходовано 8102 руб.

В 1967 г. уровень использования годового фонда рабочего времени в колхозе «Москва» Наманганского района — 81,9, «Узбекистан» — 70,7% и т. д.

В колхозе им. Х. Турсункулова Янгйюльского района уровень использования фонда рабочего времени в 1967 г. был выше республиканского и составил 86,6%, но общий запас сезонных резервов достигал 47 178 человеко-дней, или 168 условных работников в год. Недоиспользование фонда рабочего времени особенно ощущалось в октябре (75,9% в 1967 г.) и сезонный резерв составил тогда 9139 человеко-дней, или 351 условного работника. Несмотря на это, колхоз привлек со стороны 292 среднегодовых работников. Расходы на привлечение их составили по основному производству 134 193 руб. и по капитальным вложениям — 40 589 руб.

Эти факты говорят о насущной необходимости повышения ответственности руководителей хозяйств за рациональное использование фонда рабочего времени в каждом колхозе и совхозе. Долг местных партийных, советских, хозяйственных, общественных организаций — всемерно содействовать решению этой актуальной задачи.

Э. С. Тухтаев

О РЕЗЕРВАХ СНИЖЕНИЯ ИЗДЕРЖЕК ПРОИЗВОДСТВА В ЖИВОТНОВОДСТВЕ

Коммунистическая партия требует, чтобы главное внимание во всех звеньях планирования и руководства народным хозяйством было направлено на наиболее рациональное и эффективное использование материальных, трудовых и финансовых ресурсов, устранение излишних издержек и потерь.

Исключительно важное значение имеет сокращение издержек производства на единицу сельскохозяйственной продукции на основе систематического сокращения затрат живого и овеществленного труда.

Себестоимость продукции земледелия и животноводства — очень важный синтетический показатель хозяйственной деятельности колхозов и совхозов. В ней отражаются все основные изменения в условиях производства: технический прогресс, использование основных и оборотных фондов, уровень руководства предприятием, производительность труда, условия реализации продукции и материального снабжения, изменение цен на потребленные средства производства и т. д.

Все это определяет актуальность глубокого научного анализа уровня себестоимости продукции по конкретным хозяйствам, районам, областям и республикам. В качестве примера проанализируем себестоимость

продукции молочнотоварных ферм колхозов Сурхандарьинской области УзССР.

В 1967 г. в колхозах области общественное стадо крупного рогатого скота составило 70,3 тыс. голов, в том числе 17,6 тыс. коров, от которых было получено 17,3 тыс. т молока. Хотя эти показатели значительно превысили уровень предшествующих лет, экономика молочного животноводства в колхозах области не находилась еще на должном уровне и данная отрасль оставалась убыточной, что объяснялось в первую очередь высокой себестоимостью молочной продукции. В 1967 г. себестоимость 1 ц молока в среднем по колхозам области составила 25 руб. 79 коп., а его среднереализационная цена не превышала 14 руб. 48 коп.

Себестоимость молока во многом зависит от уровня среднегодовых удоев. В 1958 г. в колхозах области среднегодовой надой молока от одной коровы достигал 1254 кг, а себестоимость молока — 14 руб. 80 коп.; в 1967 г. среднегодовой удой составил 1000 л и себестоимость возросла.

Следовательно, главным резервом увеличения производства молока и снижения его себестоимости служит всемерный рост продуктивности молочного животноводства. Наши группировочные данные показывают, что в колхозах области средний надой на 1 фуражную корову колеблется от 462 до 1234 кг в год, а себестоимость — соответственно 39,5 и 23,9 руб. Если бы животноводы области, используя имеющиеся резер-

¹ Число работников, которые могли участвовать в сельскохозяйственных работах, определено из расчета наличных членов колхоза без учащихся и работающих вне колхозной территории.

вы, довели среднеобластные показатели до 1234 кг, то они получили бы дополнительно 2358 т молока и себестоимость его снизилась бы на 3 руб. 09 коп. (на 12%).

В затратах на производство молока все еще высок удельный вес оплаты труда, которая в 1967 г. в расчете на 1 ц составила 9 руб. 74 коп., или 37,8% себестоимости молока. Отчасти это — результат слабого контроля и учета по элементам расходов, отсутствия повседневной борьбы с нерациональным расходом живого труда, наличия серьезных недостатков в организации труда и производства.

Крупный резерв снижения себестоимости молока — сокращение накладных расходов. В 1967 г. они составили по колхозам области в расчете на 1 ц молока 3,82 руб., или около 14,8% всех затрат.

Высокая себестоимость молока и другой продукции животноводческих ферм колхозов Сурхандарьи объясняется и тем, что многие из них до сих пор не механизированы. По данным годовых отчетов колхозов области за 1967 г., из 70,3 тыс. голов крупного рогатого скота лишь 7,3 тыс. были обеспечены автопоилками, 2,3 тыс. — машинами для раздачи кормов, 1,9 тыс. — машинами для уборки и вывоза навоза, а из 17,6 тыс. коров доильными установками были обеспечены около 1400.

О значении механизации производственных процессов в животноводстве можно судить хотя бы на следующем примере. Подсчитано, что 100-процентный охват продуктивного скота автопоением позволил бы не только облегчить труд доярок и скотников, но и повысить удойность коров в колхозах Сурхандарьи на 10—15%.

Механизации молочных товарных ферм мешают незначительные размеры их, делающие экономически невыгодной установку сложного комплексного оборудования.

Одно из неперенных условий снижения издержек производства в молочном животноводстве — ликвидация яловости коров, составившей в 1967 г. в колхозах Сурхандарьи свыше 20%. Расчеты показывают, что ликвидация яловости позволила бы дополнительно произвести около 1000 т молока, удешевив себестоимость 1 ц его на 1 руб. 41 коп.

Важным резервом снижения себестоимости молока служит улучшение кормовой

базы животноводства. Из данных годовых отчетов колхозов области за 1967 г. видно, что материально-денежные затраты на 1 ц молока составили 16 руб. 05 коп., в том числе 10 руб. 90 коп. за счет кормов (42,3% общих и 67,9% материально-денежных затрат).

Сравнительно высокий удельный вес кормов в себестоимости единицы продукции молока объясняется тем, что более 40,1% стоимости кормов приходится на дорогие покупные корма. Низкая механизация кормодобывающих бригад ведет к высокой себестоимости собственных кормов. В 1967 г. себестоимость 1 ц зерна в колхозах области составила 24 руб. 72 коп., кукурузы на зерно — 16 руб. 10 коп., кормовых корнеплодов — 2 руб. 70 коп., люцерны на сено — 1 руб. 72 коп. и т. д. Все это отрицательно отражается на себестоимости молока.

Между тем в области имеются хозяйства, обеспечивающие рентабельность животноводства. Так, в колхозе «40 лет Октября» Термезского района себестоимость 1 ц молока составила в 1967 г. 11 руб. 02 коп., а среднерезализационная цена — 15 руб. 20 коп., т. е. от каждого центнера молока артель получила 4 руб. 18 коп. прибыли. Это прямой результат снижения себестоимости собственных кормов и проведения многих других организационно-хозяйственных мероприятий, направленных на повышение рентабельности хозяйства. Число таких колхозов растет из года в год и задача состоит в том, чтобы шире распространять их передовой опыт.

Надо повсеместно внедрять прогрессивные методы содержания и кормления скота, обратить особое внимание на специализацию и концентрацию животноводческих ферм, интенсификацию производства и совершенствование организации труда, систематическое повышение материальной и моральной заинтересованности животноводов, обеспечение ферм квалифицированными кадрами.

Все это позволит колхозам резко снизить издержки производства, повысить продуктивность и рентабельность молочного животноводства.

Х. Рахманкулов

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПРАВДЕННОСТЬ

Одна из характерных социальных тенденций современного этапа коммунистического строительства — активизация общественного мнения и повышение его роли в различных сферах жизни советского общества. Коммунистическая партия, Советское государство, организации трудящихся широко используют общественное мнение как действенное средство воспитания личности и коллектива в духе великих идей коммунизма.

Огромную роль играет общественное мнение в воспитании советских людей на высоких принципах коммунистической нравственности, составляющих моральный кодекс строителя коммунизма.

Социализм впервые создал все необходимые условия для органического единства морали с общественным мнением в рамках всего общества. Это резко повысило роль общественного мнения в регулировании нравственных отношений между людьми, нравственном воспитании личности.

Социалистическое общественное мнение формируется на основе морально-политического единства нашего общества. Будучи самым демократическим по способам своего формирования и выражения, оно возникает на основе широкой гласности, свободы слова, собраний и т. д.

Общественному мнению советского общества внутренне присущи такие характерные признаки, как партийность, правдивость, конкретность, открытость, справедливость. Оно всегда выступает у нас как оценочное суждение, выражающее отношение к практическим вопросам, затрагивающим реальные интересы советских людей.

Общественное мнение — важнейшее средство нравственного воздействия среды на личность. Эту среду составляют и члены семьи, и товарищи по учебе или работе, и все те, с кем человек проводит свой досуг, его окружение на улице, в общественных местах и т. д. Но важнейшим звеном этой многообразной среды служат трудовые коллективы, с которыми наш человек связывает свои творческие успехи, надежды и мечты. Положительное мнение коллектива дает личности высшее моральное удовлетворение, умножает ее силы в борьбе с трудностями.

Ведущая роль в формировании и выражении общественного мнения принадлежит Коммунистической партии. Наша партия вооружена единственно правильной, подлинно научной марксистско-ленинской теорией, что позволяет ей наиболее полно и адекватно выражать общественные интересы и выкристаллизовать общественное мнение, возникшее в гуще народных масс.

Могучим орудием воздействия партии на общественное мнение служат средства массовой информации: печать, радио, телевидение. Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин указывал, что печать, апеллирующая к общественному мнению трудящихся, способна формировать это мнение, содействовать искоренению недостатков в работе, излечивать жизнь страны, способствовать более быстрому и успешному строительству социалистического общества.

Партийная и советская печать, равно как радио и телевидение, освещая повседневную жизнь страны, практику социалистического и коммунистического строительства, служит рупором народных масс, мощным средством формирования общественного мнения. Примеров этому можно привести очень много.

Возьмем хотя бы случай из практики республиканской газеты «Совет Узбекистана». В одном из номеров за 1968 г. на страницах газеты была опубликована статья «Онангдан юз угирма» («Не отвернись от матери»). В ней говорилось о том, что инженер Р. после женитбы перешел на новую квартиру и забыл свою престарелую мать. Он годами не заглядывал к ней и не оказывал ни внимания, ни помощи.

В ответ на эту статью редакция получила за короткий срок 332 письма, в которых читатели строго осудили бездушное отношение Р. к родной матери. Вскоре редакция сообщила, что под воздействием общественного мнения молодой инженер глубоко прочувствовал свою вину перед матерью и вместе с семьей вернулся к ней.

Коммунистическая партия настойчиво добивается того, чтобы наша печать выступала подлинным выразителем мнения советского народа, оказывала активное воздействие на формирование общественного мнения, направляя его на борьбу против всего, что мешает поступательному движению нашего общества к коммунизму.

За борьбой нового со старым, в какой бы сфере жизни она ни проявлялась, всегда стоят люди с определенными взглядами, чувствами, настроениями. Носители пережитков прошлого пытаются общественному мнению, выражающему мысли и чаяния советского народа, противопоставить изжившие себя обычаи и традиции, выдавая их за «мнение общественности». Подлинное общественное мнение утверждается в борьбе против рутинных традиций и вредных обычаев, противоречащих нормам и принципам коммунистической нравственности. Надо давать самый решительный отпор и выступающим под личиной «выразителей общественного мнения» всякого рода клеветникам и клеветникам, преследующим корыстные цели под видом «борьбы за общественные интересы».

Общественное мнение служит важнейшим средством выражения растущих нравственных требований общества, их внедрения в практику повседневного поведения людей.

В нравственной области общественное мнение широко раскрывает свои воспитательные возможности и вместе с другими объективными и субъективными факторами участвует в формировании нового человека, воздействуя на все стороны сознания и чувства личности.

Воспитательные возможности общественного мнения раскрываются в том, что, осуждая или поощряя поведение конкретного человека, оно оказывает активное воздействие и на других людей. Это особенно характерно для общественного мнения, выражаемого через средства массовой информации.

Основным методом коммунистического воспитания, как известно, служит убеждение. И именно в этой сфере весьма эффективным средством выступает социалистическое общественное мнение.

Общественное мнение оказывает большое влияние на складывание подлинно нравственных отношений между людьми. Оно вскрывает недостатки в поведении отдельных лиц, указывает на их ошибки и заблуждения, помогает им освободиться от дурных привычек, правильно сочетать

личные интересы с интересами коллектива, общества. Тем самым оно поднимает сознание людей на более высокую нравственную ступень, воспитывает в них чувство ответственности за свои поступки, сознание своего гражданского, общественного долга. Большую роль в этом играют критика и самокритика, всемерному развитию которых на деловой, принципиальной основе наша партия уделяет неослабное внимание.

Роль общественного мнения неуклонно

повышается с ростом сознательности масс. В ходе развертывания строительства коммунизма, в процессе дальнейшего развития социалистической демократии, постепенного перерастания социалистической государственности в коммунистическое самоуправление общественное мнение будет все более превращаться в основной регулятор жизнедеятельности нашего общества.

Э. Салимова

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПРОКУРАТУРЫ В ТУРКЕСТАНСКОЙ АССР

После победы Великого Октября Коммунистическая партия и Советское государство во главе с В. И. Лениным обратили огромное внимание на всемерное укрепление революционной законности и правопорядка в стране, без чего невозможно было успешное развертывание строительства социализма.

На страже революционной законности стоял не только новый, советский суд, но и все органы диктатуры пролетариата, весь советский государственный аппарат, опирающийся на растущую общественно-политическую активность трудящихся, кровно заинтересованных в укреплении социалистической законности и правопорядка.

Опыт первых лет Советской власти убедительно показал необходимость создания особого государственного органа, призванного осуществлять надзор за повсеместным, строгим и неуклонным соблюдением социалистической законности, единым пониманием и единообразным применением советских законов на всей территории страны. Таким органом стала новая, советская прокуратура, создание и укрепление которой неразрывно связаны с именем В. И. Ленина, четко определенного организационные основы, коренные задачи и функции советской прокуратуры.

Для разработки положения о прокурорском надзоре в начале 1922 г. была создана специальная комиссия ВЦИК. Народный комиссариат юстиции РСФСР, возглавляемый Н. В. Крыленко, подготовил законопроект, предусматривающий централизованное построение прокуратуры. Большинство же членов комиссии ВЦИК высказывалось за двойное подчинение прокуратуры (т. е. соответствующему вышестоящему органу и местному исполкому Советов) и возражало против предоставления местным представителям прокурорского надзора права опротестования любых решений местных органов, противоречащих действующему законодательству.

Вопрос этот стал предметом острой дискуссии на проходившей в мае 1922 г. III сессии ВЦИК IX созыва.

Придавая огромное значение роли прокуратуры в укреплении социалистической законности, В. И. Ленин обратился в Политбюро ЦК РКП(б) со знаменитым письмом «О «двойном» подчинении и за-

конности», в котором сформулировал принципиальные установки по вопросу о построении и функциях прокурорских органов. В. И. Ленин указывал, что законность во всей стране должна быть единой, и органы прокуратуры обязаны следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки любым местным влияниям.

24 мая 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев письмо В. И. Ленина, приняло его предложение, а 26 мая III сессия ВЦИК IX созыва утвердила Положение о прокурорском надзоре в соответствии с ленинскими идеями.

Государственная прокуратура была учреждена в составе Наркомюста. На нее были возложены осуществление надзора за законностью действий всех государственных и частных организаций и частных лиц, наблюдение за деятельностью органов дознания и следствия, органов Государственного политического управления и т. д.¹

Согласно Положению о прокурорском надзоре, в автономных республиках, в том числе ТАССР, прокуроры должны были назначаться и отзываться Центральным Исполнительным Комитетом Советов данной республики. В своей деятельности прокуратура каждой автономной республики была подчинена и подотчетна Прокуратуре РСФСР.

В начале 1922 г. развернулась работа над проектом декрета о Государственной прокуратуре Туркестанской АССР. 23 марта 1922 г. этот проект обсуждался в Народном комиссариате юстиции ТАССР. Обсудив его, Наркомюст Туркестанской республики постановил принять проект с некоторыми дополнениями. Так, были внесены поправки о том, что органам прокуратуры предоставляется право обращаться за содействием в войска ГПУ, что областной прокурор участвует в заседаниях облисполкома с совещательным голосом, а его помощники на местах имеют право совещательного голоса в уездных исполкомах.

Для окончательного редактирования проекта Положения о Государственной прокуратуре Туркестанской республики была

¹ См. «Советская прокуратура в важнейших документах», М., 1956, стр. 216—317.

создана специальная комиссия². Затем проект Положения был рассмотрен комиссией законодательных предположений при СНК ТАССР, которая внесла ряд существенных поправок и возвратила проект в Наркомюст республики для уточнения формулировок и редактирования³.

29 марта 1922 г. проект Положения был рассмотрен на заседании СНК ТАССР, который также внес некоторые коррективы и вынес проект на утверждение ТуркЦИК⁴.

9 мая 1922 г. ТуркЦИК утвердил Положение о Государственной прокуратуре Туркестанской республики⁵. Положение определяло права государственной прокуратуры и ее обязанности и указывало, что органы прокуратуры осуществляют надзор за выполнением законов и распоряжений Советской власти и преследуют всякое нарушение законов, от кого бы оно ни исходило, привлекая нарушителей закона к ответственности.

ТуркЦИК утвердил Положение о Государственной прокуратуре Туркестанской республики еще до того, как ВЦИК рассмотрел Положение о прокурорском надзоре РСФСР. Поэтому Положение о прокуратуре ТАССР в ряде моментов расходилось с актом, изданным несколько позднее ВЦИК. Например, в Положении о прокурорском надзоре РСФСР указывалось, что принесение протеста прокурором не приостанавливает проведение в жизнь опротестованного постановления или решения, а в Положении о прокуратуре ТАССР говорилось, что она имеет право приостанавливать действия, постановления и распоряжения местных органов Советской власти и т. д.

По общероссийскому Положению увольнение, перемещение и отстранение от должности прокуроров губерний (областей) должно было производиться прокурором республики, что соответствовало централизованному построению прокурорских органов. По Положению же о прокуратуре ТАССР назначение и отзыв прокуроров области и их помощников должно было производиться государственным прокурором республики и коллегией Наркомюста ТАССР. Эти и другие распоряжения были устранены в принятом 31 октября 1922 г. ЦИК Советов ТАССР новым постановлении о прокурорском надзоре.

На Государственную прокуратуру Туркестанской республики были возложены осуществление надзора за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений; наблюдение за деятельностью органов дознания и ГПУ; поддержание обвинения на суде и наблю-

дение за правильностью содержания заключенных под стражей⁶.

Деятельность органов советской прокуратуры была многогранной. Они зорко стояли на страже интересов социалистического государства и трудящихся масс, вели борьбу с вооруженным сопротивлением и экономическим саботажем свергнутых революцией эксплуататорских классов, уголовными преступлениями, бесхозяйственностью и т. д. Прокуратура все полнее осуществляла надзор за разрешением в судах не только уголовных, но и гражданских дел.

Советская прокуратура вносила свой вклад в общее дело укрепления социалистической государственности. Была проведена чистка судебного аппарата, укреплен состав судебных работников. Партия направляла в органы юстиции лучших своих работников.

По решению XI съезда Советов Туркестана при Наркомюсте республики были созданы двухгодичные юридические курсы и поставлен вопрос о восстановлении правового отделения при факультете общественных наук САГУ. Съезд особо подчеркнул необходимость укрепления кадров прокуратуры.

Вся деятельность советской прокуратуры осуществлялась под руководством Коммунистической партии, настойчиво добивавшейся укрепления прокурорского надзора как в Центре, так и на местах.

Большую роль в дальнейшем улучшении работы органов прокуратуры ТАССР сыграло совещание работников прокуратуры Туркестанской республики, проведенное 13—18 сентября 1923 г. Совещание обратило особое внимание на усиление надзорной функции прокуратуры, налаживание аппарата прокуратуры на местах, повышение работоспособности и авторитета органов предварительного следствия.

Совещание признало необходимым войти через НКЮ РСФСР с представлением о необходимости закрепления в законодательном порядке права прокуроров на приостановление незаконных действий и распоряжений местных органов власти⁷.

В резолюции совещания подчеркивалась также необходимость тщательного наблюдения за производством дознания в органах уголовного розыска и ГПУ, надзора за производимыми Рабрином ревизиями хозяйственных органов и предприятий, строгого контроля за соблюдением следователями норм УПК и т. д.⁸

Большое значение придавалось и стабильности штатов прокуратуры, усилению работы по подготовке, подбору, расстановке и воспитанию кадров.

² ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 19, л. 64.

³ Там же, л. 67—68.

⁴ Там же, д. 748, л. 42.

⁵ Там же, ф. Р-86, оп. 1, д. 2450, л. 249.

⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 18—19.

⁷ Там же, ф. Р-25, оп. 1, д. 1802, л. 30—32.

⁸ Там же.

Все это способствовало укреплению органов советской прокуратуры в Туркестане, активизации ее борьбы за твердую революционную законность, обеспечивающую

благоприятные условия для успешного строительства социализма.

В. Р. Маннанов

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ В ТУРКЕСТАНЕ КОНЦА XIX ВЕКА

Присоединение Средней Азии к России привело к включению экономики края в общероссийский рынок и ускорило развитие капиталистических отношений. В рамках колониального режима происходит известный рост промышленности и сельского хозяйства, особенно тех отраслей, в продукции которых была заинтересована промышленность метрополии. Проведение Закаспийской железной дороги, по образному выражению В. И. Ленина, «открыло» Среднюю Азию для российского капитала.

Все это способствовало оживлению внутренней и внешней, городской и сельской торговли. Главными предметами ее были продукты земледелия и скотоводства, затем шли ткани (местные и привозные) и другие товары.

Уже к середине 80-х годов XIX в. сбыт хлеба из земледельческих районов Сырдарьинской области в степные составлял не менее 10 млн. пудов в год общей стоимостью 4 млн. руб.¹ Основными поставщиками хлеба были Аулиятинский и Чимкентский уезды. Из Кураминского уезда вывозили в первую очередь рис, а также сухофрукты (особенно кишмиш) и продукты огородничества.

Степные районы в обмен на продукты земледелия давали скот и животноводческую продукцию, а также шерстяные изделия домашнего производства.

Внутренняя торговля скотом была довольно значительной — оборот ее достигал 4,5 млн. руб. в год². О масштабах внутренней торговли скотом можно судить по оборотам Ташкентского рынка. Так, в 1885 г. здесь было продано: баранов — 80 тыс. на сумму до 400 тыс. руб.; лошадей — 18 тыс. на сумму 380 тыс. руб.; рогатого скота — 11 тыс. на сумму 190 тыс. руб. Общий оборот торговли скотом в городе доходил до 1100 тыс. руб. в год³. Значительная часть скота отправлялась в Центральную Россию и Сибирь.

В торговле предметами ткацкого производства основное место в рассматриваемый период занимала уже продукция российской текстильной промышленности. Из предметов местного ткацкого производства относительно широко распространение имели лишь ткани из хлопка и шелка, производимые в Ходженте и Ташкенте. Большинство их продавалось на месте оседлому и полукочевому населению, а некоторая

часть вывозилась в северные уезды Сырдарьинской области.

Повсеместно шла довольно бойкая торговля кожами, выделанными шкурами, конской сбруей, ножами и другими изделиями кустарей и ремесленников Ташкента, Ходжента, Ура-Тюбе. Из продукции местных предприятий российских промышленников в большом количестве расходились ситцы, алкогольные напитки, табак, кожаные изделия.

Наибольшее количество товаров на рынки Туркестана поступало из России. Через Оренбург и Троицк сюда ввозились мануфактурные, галантерейные, стеклянные, фарфоровые, чугунные, железные, медные изделия, сахар и др.

Чай привозили из Кяхты и Индии. Черный кяхтинский (байховый) и кирпичный чай доставляли в Ташкент через Верный, откуда он расходился в долины Ферганы и Зарафшана. По имеющимся сведениям, с 1881 по 1885 г. через Верный в Ташкент и другие пункты Туркестанского края было ввезено 164 286 пудов байхового и 29 735 пудов кирпичного чая⁴.

Индийский чай ввозился в Среднюю Азию через Афганистан (до 800 тыс. пудов в год). Главным центром торговли индийским чаем в рассматриваемый период была Бухара. Отсюда же в различные районы края поступали красители (преимущественно индиго), тонкие шерстяные материи, кашмирские шали, ковры, белые и цветные войлоки, мерлушка (каракуль), индийская кисея, сухофрукты и др.

Первое место в торговом обороте Туркестана с Центральной Россией занимала Сырдарьинская область. Крупным пунктом транзитной торговли был Казалинск, где скрещивались пути из Оренбурга и Троицка на Бухару, Хиву, районы Сырдарьи, Ферганы, Зарафшана. О размерах и характере транзитного товарооборота Казалинска в 1885 г. можно судить по данным табл. 1 и 2.

Годовой оборот транзитной торговли через г. Казалинск превысил в 1885 г. 7441 тыс. руб., из них на долю районов Сырдарьи, Ферганы и Зарафшана приходилось более 2432 тыс. руб. Главными предметами ввоза из России были мануфактура, галантерейные товары, бакалея, а вывоза — шелк, хлопок, мерлушка и пушнина.

Ведущими центрами внутренней торговли были города, где совершались крупные сделки между оптовиками и розничными торговцами. В Сырдарьинской области

¹ Обзор Сырдарьинской области за 1885 г., СПб., 1886, стр. 207.

² Там же.

³ Там же, стр. 208.

⁴ Там же, стр. 210.

наиболее важным торговым центром был Ташкент. Уже в 1871 г. ввоз товаров (в том числе транзитный) в Ташкент составил 8 827 432 руб., а вывоз — 5 112 498 руб.⁵

В товарообороте Ташкента первое место занимала Россия, второе — Кокандское

В Ташкенте было много базаров, но основная торговля велась на крупном базаре в «старом» городе, где имелось до 2630 лавок⁶.

Еще в 1870 г. для расширения русской торговли в Ташкенте были открыты две

Таблица 1*

Ввоз товаров через Казалинск из России, руб.

Товар	В Бухару	В Хиву и Амударьинский отдел	В районы Сырдарьи, Ферганы и Зарафшана	Всего
Мануфактура	2 010 000	26 100	1 045 300	3 081 400
Галантерея	18 800	1 800	175 000	195 600
Чай	—	—	11 800	11 800
Сахар, сахарный песок, леденцы и прочее	110 000	—	10 200	120 200
Кожа	—	—	5 400	5 400
Машины	700	—	23 000	23 700
Прочие товары**	275 700	23 300	143 000	442 000
Итого	2 415 200	51 200	1 413 700	3 880 100

* Обзор Сырдарьинской области за 1885 г., стр. 212—213.

** Посуда стеклянная и фарфоровая, вина, табак, сукно, шелковая материя и др.

ханство, третье — районы Сырдарьинской области и т. д. Из России ввозились главным образом хлопчатобумажные ткани, из

ярмарки — весенняя (в апреле) и осенняя (с 15 октября по 15 ноября). С 1883 г. в «новом» городе начал функционировать

Таблица 2*

Вывоз товаров через Казалинск в Россию, руб.

Товар	Из Бухары	Из Хивы и Амударьинского отдела	Из районов Сырдарьи, Ферганы и Зарафшана	Всего
Шелк	603 000	449 400	664 600	1 717 000
Хлопок	478 000	274 600	231 400	984 000
Мерлушка и пушнина	540 000	—	9 100	549 100
Шерсть и конский волос	—	—	32 300	32 300
Фрукты	12 000	—	45 600	57 600
Рыба	—	—	12 000	12 000
Бараны кишки	62 600	—	—	62 600
Прочие товары	112 700	11 000	23 000	146 700
Итого	1 808 300	735 000	1 018 000	3 561 300

* Обзор Сырдарьинской области за 1885 г., стр. 212—213.

Кокандского ханства — хлопок, шелк, фрукты, из Бухары — ковры, одеяла, шелковые материи, мех. Из Ташкента вывозились прежде всего продукты земледелия и скотоводства, ткани, металлические изделия и др.

Воскресенский базар. К 1889 г. число торговцев в Ташкенте достигло 43 848 человек⁷.

В Ферганской области основными центрами торговли были Коканд, Андижан,

⁶ Там же, л. 4.

⁷ Там же, ф. И-36, оп. 1, д. 3167, л. 207. л. 207.

⁵ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 16, д. 876, л. 3.

Наманган. Торговля здесь имела розничный характер и велась преимущественно в базарные дни (два-три раза в неделю). Главными предметами торговли были мануфактура, продукты земледелия и животноводства.

Профессиональными торговцами на местных базарах были так называемые чор-бозорчи — мелкие торговцы, переезжавшие с одного базара на другой. Само название их «чор-бозорчи» (чор — перс. «четыре») обозначало «торгующий на четырех базарах». Товары для торговли они приобретали у городских оптовиков.

О масштабах торговли в Ферганской области в середине 70-х годов XIX в. могут дать представление следующие данные. В 1876 г. ввоз товаров по уездам области превысил 498 тыс. руб., а вывоз — 75 тыс. руб.⁸

Главным рынком оптовой торговли чаем в Средней Азии к концу XIX в. стал Самарканд. Чайная торговля в городе была сосредоточена в руках трех русских, семи персидских и двух пешаварских (индийских) фирм. В 1897 г. из Самарканда было вывезено 1 751 684 фунта черного и зеленого чая⁹.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГОЛОДНОЙ СТЕПИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Изучение этнического состава населения различных районов Узбекистана в историческом аспекте — одна из важнейших задач наших этнографов. Вопрос этот исследован еще далеко недостаточно. В частности, в нашей литературе не нашел должного освещения этнический состав населения районов Голодной степи. Здесь мы вкратце охарактеризуем этнический состав населения данного района в конце XIX — начале XX в.

Голодная степь расположена на стыке земледельческих районов Ферганской долины, Самаркандской и Ташкентской областей. В рассматриваемый период население ее по роду занятий делилось на оседлых земледельцев и ремесленников, полуседлых жителей, сочетавших земледелие с животноводством, и кочевников-скотоводов.

Оседлое население размещалось на юге Голодной степи — в Джизакском уезде (в бассейне реки Санзар, на склонах Нуратинских и Мальгузарских гор), а также в северо-восточной части степи, вокруг канала «Романовского».

Основными населенными пунктами здесь были Джизак, Заамин, Фариш, русские поселки: Надеждинский, Стретенский, Романовский, Николаевский, Верхне-Вольнский, Нижне-Вольнский, Конюгвардейский. Все го в Голодной степи в конце XIX в. проживало 175 тыс. человек¹. Среди оседлого на-

К 1898 г. в Самаркандском уезде насчитывалось свыше 6500 торговцев и существовало 28 базарных пунктов¹⁰.

В сельской торговле Самаркандского уезда, как и других районов Туркестана, основную роль играли городские торговцы, продававшие свои товары и скупавшие местное сырье. С помощью различных махинаций они обирали трудовое население оседлых и кочевых районов и как потребителей, и как производителей.

Хищническая деятельность российского и местного торгового капитала, пользовавшегося покровительством колониальных властей и тесно связанного с промышленной буржуазией, байско-феодалными и ростовщическими элементами, тяжело отражалась на положении трудящихся масс края.

В то же время развитие оптовой и розничной торговли способствовало росту товарно-денежных отношений, денатурализации сельского хозяйства, сложению единого туркестанского рынка и укреплению его связей с общероссийским, а через него — и с мировым рынком.

А. Алимов

селения насчитывалось более 18 тыс. узбеков, 4843 таджика, 3500 русских, 51 казах.

В формировании состава населения отдельных пунктов Голодной степи участвовали переселенцы из других местностей. Например, в Джизаке жили переселенцы из Бекабада — бекабадлы, Самарканда — самаркандлы, Ташкента — ташкентлы, Ура-Тюбе — уратюбелы и др.²

Основную часть оседлого населения Голодной степи составляли узбеки. Сравнительно малочисленной группой были таджики. Они селились к северо-западу от Джизака, на северных склонах Нуратинских гор, а также в Ходжентском уезде.

Наша этнографическая экспедиция выяснила, что таджики Фаришской волости делились в прошлом на роды: сайны, халадж, кунсай. По сообщению нашего информатора, 66-летнего Г. Имамова, таджика по национальности, род сайны принадлежал к племени найман³.

Представители племен бахрин, джадоир, митан, найман, жившие на северных склонах Нуратинских гор, называли себя тад-

¹⁰ Справочная книжка Самаркандской области за 1898 г., Самарканд, 1899, стр. 96, 104.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897, XXXIII, Самаркандская область, СПб., 1905, стр. 2—3.

² Полевая запись автора 1966 г.

³ Полевая запись автора 1963 г.

⁸ ЦГА УзССР, ф. И-19, оп. 1, л. 22517, л. 231.

⁹ Обзор Самаркандской области за 1902 г., Самарканд, 1903, стр. 25.

жиками, хотя мы находим в них тесное переплетение тюркских и монгольских этнических черт. Они в одинаковой мере говорили на узбекском и таджикском языках. Таким образом, в этих горных районах таджики, расселившись среди узбеков, постепенно сливались с их родоплеменными группами.

Оседлыми жителями Голодной степи во второй половине XIX — начале XX в. были и русские — выходцы из различных губерний России, главным образом Самарской, Киевской, Воронежской, Оренбургской.

Среди полукочевого населения Голодной степи подавляющее большинство также составляли узбеки (145 280 человек в 1897 г.)⁴. Они расселились в юго-восточной части Джизакского уезда и на юго-западе Голодной степи.

Одним из наиболее крупных родов полуседлых узбеков были юзы (15 тыс. человек)⁵. В Ходжентском уезде они образовали несколько кишлаков в Чакирском и Наугандинском аксакальствах и расселились родовыми группами (например, парча-юз, карапчи, марка и др.) в 437 юртах.

В кишлаках Пишагар и Уяз население относило себя к племени марка. Входящие в племенной союз марка кырк-юзы расселились на северо-востоке Джизакского уезда. В прошлом их называли кырк-минг-юз и рассматривали как один из узбекских родов. А. Гребенкин, однако, писал: «На самом же деле оно составлено из слияния названий трех самостоятельных, но родственных между собой родов: Кырк-, Минг и Юз. Кырк-Минг-юзы преобладают в полосе от Нау через Ура-Тюбе к Джизаку включительно»⁶.

В конце XIX в., по данным А. И. Макшеева, юзы делились на крупные родовые группы: парча-юз, хтай-юз, солин, уяс, карапчи, найман-ирганаклы, беш-юз, сулахи. Каждая из них состояла из мелких родовых групп. Некоторые роды, упомянутые А. И. Макшеевым, встречаются и у других среднеазиатских народов.

Нам удалось выявить у юзов Голодной степи ряд мельчайших родовых групп,

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., стр. 3.

⁵ Список населенных мест Самаркандской области, опубликованный в «Материалах по статистике Самаркандской области 1887—1888 гг.», СПб., 1890, стр. 4.

⁶ А. Гребенкин. Минг. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. III, СПб., 1874, прим. О кырк-юзах см., в частности, «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, Ташкент, 1926, стр. 203.

⁷ А. И. Макшеев. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае. Записки Русского географического общества, отд. статистики, т. 2, СПб., 1871, стр. 39.

ранее не известных исследователям. Например, выяснилось, что тогай-топи делились на 4 топа: олтыммыш-топ, кал-топ, бозор-топ, сормор-топ.

Роды баймаклы, болгалы, костамкалы, кырксадок, ачамайлы, каракурсак, туркмен, мангит и другие встречались и в составе каракалпакского народа⁸.

Представители рода алма-суан обитали и в предгорных селениях Джизака, где они составляли один из компонентов племени кырк⁹.

Род карабчи в наших этнографических материалах назван коканд-карабчи. У А. И. Макшеева в эту группу включены баяуты¹⁰. Однако во время экспедиции 1964 г. из бесед с информаторами-баяутами мы выяснили, что они считают себя узбеками, не входят ни в какую группу и в прошлом делились на два рода — сапрошлик и кирсадок¹¹.

Д. Е. Еремеев отмечал, что боят — это тюркское племенное название, которое трансформировалось в русских летописях в «боут»¹².

В юго-восточной части Джизакского уезда обитали представители племени канглы — потомки одного из древних тюркоязычных племен, впоследствии вошедших в состав узбекского, казахского и каракалпакского народов.

К кочевому скотоводческому населению Голодной степи в основном относились казахи. В административном отношении кочевое население делилось в пределах волостей на аульные общества (административные аулы), имевшие порядковые номера или носившие официальные названия¹³.

Каждый род имел свои места летних и зимних кочевков, на которые временно устанавливалось право собственности.

К концу XIX в. между оседлым, полуседлым и кочевым населением усиливаются экономические связи, что отражалось на их хозяйстве и культуре.

⁸ Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, М., 1962, стр. 413.

⁹ Материалы по районированию Средней Азии, кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, Бухара, Ташкент, 1926, стр. 20. См. также В. Г. Мошкова. Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950.

¹⁰ А. И. Макшеев. Указ. статья, стр. 79.

¹¹ Полевая запись автора 1964 г.

¹² Д. Е. Еремеев. Проникновение тюркских племен в Малую Азию, М., 1964. (Материалы VII Конгресса антропологов и этнографов).

¹³ На составленной в 1916 г. М. С. Андреевым карте в Кызылкумской волости Джизакского уезда отмечены, в частности, такие роды, как аргын, джалор, исты, кипчак, канглы, найман, кора-куся, уроз-келды и т. д. (рпк. ИИА АН УзССР, инв. № 326).

Основным занятием оседлых жителей Голодной степи было поливное земледелие. Они выращивали кукурузу, хлопок, зерновые, занимались садоводством, виноградарством, скотоводством, а также ремеслом и домашними промыслами.

Ремесленное производство в основном было сосредоточено на территории старого Джизака и пригородных кишлаков. В одном и том же селении можно было встретить земледельца и ремесленника.

Характерно, что названия отдельных ремесел закрепились и в топонимике. Известны, например, кишлак Заргарлик (т. е. селение ювелиров), Уста-кишлак (селение кузнецов). В кишлаках голодно-степной части Ходжентского уезда уже в начале 70-х годов XIX в. было зафиксировано 62 ремесленные лавки (кузнечная, гончарная, ткацкая и др.)¹⁴.

В хозяйстве полуседлого населения Голодной степи основным занятием было скотоводство, сочетавшееся с земледелием.

Например, баяутцы в конце XIX в. занимались скотоводством. Еще недавно среди них бытовала поговорка, отражавшая их бытовой образ жизни: «Моли бор, одамга девор булдайки» (у кого есть скот, тому чужды стены). В то же время они выращивали на богаре ячмень, пшеницу, а в пойме реки — бахчевые.

У полуседлых жителей было развито и домашнее ремесло. Так, баяутцы в зимнее время изготавливали циновки, берданы, мешки; женщины ткали ворсовые ковры и т. д.

Этнографические материалы показывают, что к концу XIX в. среди кочевников и полукочевников районов Голодной степи усиливаются тенденции к оседанию. Однако колоннальные власти запрещали местному населению осваивать орошенные земли Голодной степи.

В то же время среди коренного населения углубляется социальная дифференциация.

В этих условиях разрывавшиеся слои кочевого и полукочевого населения становились поставщиками рабочей силы (батра-

ков, мардикеров, чайрикеро) для хозяйств русских переселенцев-кулаков.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в процессе совместного обживания районов Голодной степи между коренным и русским трудовым населением усиливались хозяйственные и культурные связи. Русские крестьяне с помощью узбекских дехкан учились выращивать на поливных землях хлопок, маш, кунжут, бахчевые и другие культуры, строить дома из крупного сырового кирпича (русские называли его чимовым).

В быт русских переселенцев входила домашняя утварь, изготовленная ремесленниками-узбеками Ура-Тюбе, Джизака, Ходжента. Русским крестьянам полюбились узбекские блюда — плов, шурпа, машевая каша, кулчай (нарезанное тесто, сваренное в мясной бульоне) и т. д. В язык русских поселенцев прочно вошли многие узбекские слова (ганч, чия, кетмень, теша, пиала и др.), а местное коренное население овладевало русским языком.

В русских поселках со временем селились узбекские семьи. Некоторые из них вступали в родственные отношения с русскими крестьянами. Например, один из наших информаторов, престарелый колхозник из сельхозартели «Узбекистан» Гулистанского района Марха Турсункулов вспоминает: «Трудовую деятельность я начал с пастушества в русских поселках... Постепенно начал понимать их язык... Мой брат женился на русской женщине, и наша семья построила себе кипу (юрта из камыша) на окраине поселка Романовского»¹⁵.

Таким образом, начавшееся в конце XIX в. освоение Голодной степи приводит к этническим процессам, изучение которых представляет большой интерес для исследователей, занимающихся проблемами динамики этнического состава населения различных районов Узбекистана в историческом аспекте.

Б. Аминов

ШАХМАТНЫЙ КОНЬ С ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

В северной части городища Афрасиаб, между холмом бывшей цитадели города и арком Снаб, находится большая естественная котловина. В центре ее имеется углубление с крутыми стенами. С востока стена углубления отвесна; в ней вырублены подземные помещения пещерного типа (сардахона), служившие местом отдыха в жаркое время. В ближайшей к цитадели сардахона при расчистке была найдена шахматная фигурка коня, сделанная из расплавленной стеклянной массы.

¹⁴ Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Под ред. Н. А. Маева, вып. I, СПб., 1872, стр. 42—44.

Высота фигурки — 5,5 см (рис. 1). Она представляет собой голову коня с шеей. Внизу шеей придана округлая форма, оконечная сверху кольцевым ободком. К нижней части фигурки были прикреплены три маленькие прямые ножки, из которых одна сохранилась, а от двух остались изъясны на месте их крепления. От долгого пребывания в земле стекло в некоторых местах иризировано.

Изображение коня дано несколько примитивно и схематично. На морду свисает челка, а на шею опущена грива. Уши отбиты. Верхняя губа отделена от нижней резкой выраженным углублением.

¹⁵ Полевая запись автора 1964 г.

Судя по сопутствующим находкам и слою, в котором найдена фигурка, время ее изготовления и употребления следует отнести к XI—XII вв. — т. е. к периоду наивысшего расцвета домонгольского Самарканда.

Подобные находки на территории Средней Азии очень редки. До революции на городище Афрасиаб была найдена шахматная фигурка коня в всадником, вырезанная из слоновой кости. Эта фигурка, хранящаяся в Эрмитаже, датируется VIII—IX вв.¹

Другая шахматная фигура, также хранящаяся в Эрмитаже, найдена на территории Ферганы. Она тоже вырезана из слоновой кости и представляет собой вещь птицу рух, предшественницу современной туры или ладьи.

Стеклянные шахматные фигуры, подобные коню с городища Афрасиаб, ранее не были известны среднеазиатской археологии. Характерно и то, что наша фигурка сделана несколько упрощенно. Это указывает на ее употребление простыми жителями древнего Самарканда, тогда как фигурки из слоновой кости были, очевидно, достоянием знати.

Шахматы были распространены на всем Востоке. О них писали целые трактаты, шахматисты вместе с поэтами, певцами и музыкантами входили в придворную свиту многих владык. В источниках часто сообщается о шахматных турнирах при дворах правителей. Наибольшую аудиторию привлекала игра шахматистов, сопровождавших каждый свой ход остроумными стихами и шутками. Страстным любителем шахмат был и Амир Тимур.

Своеобразной энциклопедией средневековых шахмат в Средней Азии является рукопись Абуль-Фатха (XI—XII вв.), написанная по местным источникам². Помимо специальных трактатов, шахматам посвящались особые главы в сочинениях государственных деятелей, причем эти главы помещались рядом с главами об управлении государством или о правилах поведения аристократов³.

Несмотря на распространенность шахмат, находки фигур весьма незначительны, и в основном они сделаны из ценных и редких материалов. Поэтому находка простой фигурки шахматного коня на городище Афрасиаб приобретает особую значимость. Она свидетельствует о массовости производства и распространении шахмат среди широких слоев населения. Очевидно, шахматы в домонгольском Самарканде были одной из любимых народных игр, что говорит об уровне культуры населения города в XI—XII вв.

О. В. Обельченко

К СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ КЕРАМИКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В УЗБЕКИСТАНЕ

В 1963 г. Махандарьинский археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР в связи со строительством Аму-Бухарского машинного канала совершил поездку в северо-западную часть Каршинской степи. Здесь, в юго-восточной части оз. Пайкенд, были обнаружены в основном памятники эпохи неолита. Лишь две стоянки (Пайкенд-6 и 7) относились к эпохе бронзы. На стоянке Пайкенд-6 встречена керамика с геометрическим орнаментом, характерным для памятников андроновской культуры Средней Азии и Казахстана¹.

¹ И. Орбели и К. Тревер. Штаранг Книга о шахматах, Л., 1936, стр. 144—145.

Наибольший интерес представляет стоянка Пайкенд-7, где отмечены сосуды новой формы, отличные от сосудов из стоянки Пайкенд-6. Здесь найдены фрагменты двух горшковидных сосудов с шаровидным туловом, прямым или слегка отогнутым венчиком и плоским дном. Эти признаки в целом характеризуют горшки карасукского

² И. М. Линдер. У истоков шахматной культуры, М. 1967, стр. 12.

³ См., напр., «Кабус-намэ», пер. Е. Э. Бертельса, М., 1953, гл. XIII.

¹ А. Аскаров. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи, История материальной культуры Узбекистана (ИМКУ), вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 34.

типа, известные на Енисее, в Центральном Казахстане, Восточном Приарале, на верхней Оби и в других районах.

Один из сосудов со стоянки Пайкент-7 не орнаментирован (рис. 1, 2). У второго шейка украшена равнобедренными тре-

угольниками вершинами вверх, заштрихованными горизонтальными линиями (рис. 1, 1). Тулово горшка также украшено заштрихованными треугольниками, но обращенными вершинами влево.

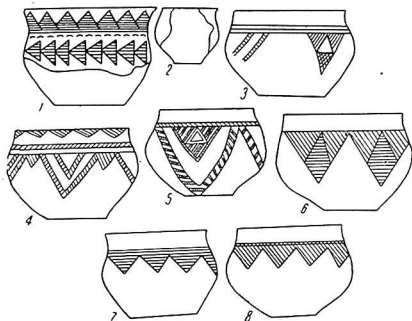

Рис. 1. Формы керамики карасукского типа.

1-2—Узбекистан, 3-4—Верхняя Обь, 5-8—Енисей.

угольниками вершинами вверх, заштрихованными горизонтальными линиями (рис. 1, 1). Тулово горшка также украшено заштрихованными треугольниками, но обращенными вершинами влево.

Подобные орнаменты встречаются и в других районах, где андроновская традиция оказала большое влияние на формирование орнаментальных мотивов керамики карасукского типа. Например, на керамике из могильника Гуджайли-II (Бухарская область) нередко встречается орнаментальный мотив в виде равнобедренных треугольников по венчику сосудов².

Несмотря на скудность археологического материала карасукской эпохи на территории Узбекистана, наши находки позволяют хотя бы в общих чертах говорить о специфике керамики эпохи поздней бронзы.

в других районах с керамикой карасукского типа.

А. Аскарлов правильно считает, что «существование памятников более поздних этапов андроновской культуры в низовьях Зарафшана, развившихся полностью из предшествующих им памятников тазабагъябского типа, совершенно очевидно»³.

К сожалению, вопрос о выделении на территории Узбекистана памятников эпохи поздней бронзы пока еще не может быть решен окончательно. Но что такие памятники существуют на территории современного Узбекистана, несомненно показали находки Махандарьинского отряда. На наш взгляд, они относятся к завершающему этапу поздней бронзы и имеют локальные особенности, требующие дальнейшего изучения.

Х. Дуке

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЗБЕКСКОЙ ФОНОЛОГИИ

Вопросы фонологии в узбекском языке к изучению исследовались главным образом в плане практическом. Еще в работах

Е. Д. Поливанова был определен звуковой состав узбекского языка¹. Описанные им

³ Там же, стр. 59.

¹ Е. Д. Поливанов. Краткая грамматика узбекского языка, Ташкент, 1926; его же. Образцы не-сингармонистических (иранизованных) говоров узбекского языка, Доклады АН СССР, 1928, № 5, стр. 92; его же. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык, Ташкент, 1933.

² А. Аскарлов. Новые находки андроновской культуры в низовьях Зарафшана, ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965, рис. 1а, 1.

звук речи позже стали рассматриваться на фонологическом уровне².

Фонетическая система узбекского языка, как это принято большинством лингвистов, состоит из следующих фонем:

V: и [i], э [e], а [a], у [U], ү [o], о [ɔ];
 C: п [p], б [b], ф [f], в [v], м [m], т [t],
 д [d], с [s], з [z], ш [ʃ], ж [ʒ], ч [ç],
 җ [ʒ], ғ [r], к [k], г [g], н [n], ғг [b],
 й [j], қ [q], х [x], Ғ [q], л [l], ҕ [h].

Гласные узбекского языка классифицировались по трем артикуляционным признакам: по работе губ, степени и месту подъема языка, т. е. в виде традиционного треугольника. При этом не уделялось должного внимания дифференцирующей роли артикуляционных признаков.

По указанным признакам гласные узбекского языка делятся на две группы: нелабиализованные переднерядные [i] [e], [a]; лабиализованные заднерядные [u], [o], [ɔ]. Фонема [u] отличается от [i] по месту подъема языка и артикуляции губ (без последнего признака получился бы [ü], аллофон фонемы [u]). В таком же соотношении находятся [o] к [e], [ɔ] к [a].

Отличие от других сингармонистических языков тюркской системы в вокализме современного узбекского литературного языка место образования не играет дифференцирующей роли.

языке резко выражен артикуляцией, последний сам по себе не дифференцирует двух гласных, одинаковых по степени подъема языка и лабиализации. Так, [a] и [a], [ü] и [u], [ö] и [o] — разные комбинационные варианты одной фонемы.

Исключение составляют андижанский³, хорезмский⁴, карабулакский⁵, иканский⁶ и некоторые другие говоры с палатальным сингармонизмом, где каждый из указанных звуков выступает самостоятельной фонемой.

Лабиализация [ɔ] в узбекском языке артикуляционно выражена минимально, но она играет основную дифференцирующую роль. Если в данном случае не признавать за лабиализацией смысловозначительной функции, то фонемы [a] и [ɔ] теоретически совпали бы. Стало быть, дифференцирующий параметр фонем [a] и [ɔ] — слабая лабиализация последней.

Для вокализма узбекского литературного языка, таким образом, характерны три типа артикуляции: участие губ, степень и место подъема языка, которые концентрируются в двух фонологических признаках. Первые два артикуляционных признака имеют фонологически дифференцирующее значение, а третий — дополнительное, вспомогательное. Исходя из сказанного, систему гласных фонем узбекского литературного языка целесообразно представить в следующем виде:

Первый фонологический признак	Второй фонологический признак	Подъем языка		
		высокий	средний	низкий
Лабиализация и место подъема языка	переднерядные нелабиализованные	i	e	a
	заднерядные нелабиализованные	U	o	ɔ

В традиционной лингвистике артикуляционный анализ в основном оставался на уровне фонетики. Существует неверное толкование и недооценка фонологически дифференцирующего признака, выраженного относительно несильной артикуляцией. Хотя ряд образования гласных в узбекском

Своеобразная классификация гласных и согласных фонем дана в двух работах американских авторов, описывающих узбекский язык в структурном плане. Это «Структурный анализ узбекского языка» Ч. Би-

² А. К. Боровков. Грамматика узбекского языка, ч. I, Ташкент, 1943, стр. 7; его же. Краткий очерк грамматики узбекского языка, Узбекско-русский словарь, М., 1959, стр. 680; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, Л., 1960, стр. 15—34; В. В. Решетов, Ш. Ш. Шаабдурахмонов. Фонетика, Ташкент, 1953, стр. 13—22; В. В. Решетов. Основы фонетики и грамматики узбекского языка, Ташкент, 1965, стр. 15—36.

³ С. И. Иброҳимов. Узбек тилининг андижон шеваи, Ташкент, 1967, 19-бет.

⁴ Ф. А. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров, Ташкент, 1967, стр. 46.

⁵ К. К. Юдахин. Некоторые особенности карабулакского говора, в сб. «Узбек диалектологиясида материялар», I қисм, Ташкент, 1957, 32-бет.

⁶ Е. Д. Поливанов. Образцы неиранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка, Известия АН СССР, сер. 7, Л., 1931, № 1, стр. 95; его же. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык, Ташкент, 1933, стр. 26.

дуэлла⁷ и «Структурная грамматика узбекского языка» А. Ф. Шеберг⁸.

К числу сегментных фонем Ч. Бидуэлла относит

С: *p* (п), *b* (б), *t* (т), *d* (д), *k* (к), *g* (г), *q* (к), *x* (х), *v* (ф), *s* (с), *z* (з), *s* (ш), *z* (ж), *ç* (дж), *c* (ц), *h* (х), *m* (м), *n* (н), *b* (нг), *l* (л), *r* (р), *y* (й), *v* (в);

V: *i* (и), *e* (э), *a* (а), *o* (о), *y* (у), *ü* (у).

У А. Ф. Шеберг представление о сегментных фонемах несколько иное:

С: *p* (п), *b* (б), *t* (т), *d* (д), *k* (к), *g* (г), *q* (к), *φ* (φ — бибиабильный), *f* (φ — ла-

биодентальный), *s* (с), *z* (з), *x* (х), *g* (г), *h* (х), *s* (ш), *z* (ж), *ts* (ц), *c* (ч), *j* (ж — дж), *m* (м), *n* (н), *b* (нг), *w* (в), *l* (л), *r* (р) *y* (й);

V: *i* (и), *e* (э), *a* (а), *o* (о), *y* (у), *ü* (у).

А. Ф. Шеберг, как видим, вводит в систему согласных новые фонемы — [φ], [f], [ts], правда, с оговоркой, что они употребляются только в заимствованных, прежде всего в русских словах.

Работа Ч. Бидуэлла вызывает ряд критических замечаний. Автор очень неясно говорит о фонеме [o]. Суля по примерам, [o] и [u] он склонен различать по месту образования (первый обозначен знаком [u], второй — [ü]), хотя ряд образований сам по себе не имеет фонологически дифференцирующего значения.

Фонема [p] лезде полностью заменяет фонему [f] φ и ее комбинаторный вариант [φ]. Между тем [f] вошла в фонемный состав узбекского языка и употребляется ныне не только в заимствованных словах, но и в словах, давно закрепившихся в словарном фонде узбекского языка. Так, смыслообразующим средством следующих квазиомонимов выступает способ образо-

вания [p] и [φ] (смычность и щельничность): [sɔφ] 'чистый, непорочный', [sɔp] 'ручка, рукоятка', [faɪq] 'бедный', [paɪq] 'ведро'.

Описание согласных фонем Ч. Бидуэлла дает не по активному органу, а при анализе фонем [p], [t], [k], [q] обходится без упоминания аспирации.

Некоторые неточности автор допускает при описании артикуляции фонем. Заднеязычный продвинутой вперед звук [b] в словах [soɪga] 'позже' и [slɪlm] 'моя младшая сестра' он считает веларным, тогда как веларным является его комбинаторный вариант [p], употребляющийся в словах типа [qoɪɟiz] 'кумиз' 'жук'. Фарингальный звук

[h], по его мнению, заднеязычный. [y] рассматривается им как глайд предшествующей гласной (*бадиш* 'художественный', *оммавий* 'популярный', *кий* 'одежь', *тий* 'прекрати' и т. д.). Однако в этой функции [y] выступает лишь в конечном положении. В начале же слова и интервокальном положении, а также между гласными и согласными [y] приобретает качество самостоятельной фонемы; *йил* 'год', *йизит* 'юноша', *йиртқиш* 'зверь', *йизирма* 'двадцать', *кийим* 'одежда', *тийин* 'копейка', *сайил* 'угаение', *майил* 'желание'.

При описании звонких согласных Ч. Бидуэлла не говорит об оглушении их в конце слова, о сонантизации [z] между гласными.

В работе А. Ф. Шеберг дан детальный анализ сегментных фонем с учетом особенностей их при дистрибуции, подробно описаны аллофоны согласных и гласных, рассмотрены все случаи альтернации фонем.

Основные типы альтернации гласных фонем отражены в соответствующей схеме, где отмечены аллофоны каждой гласной. Так, фонема [i] (если судить по схеме) имеет 10 аллофонов, [e] — 4, [a] — 3, [o] — 4, [u] — 7, [y] — 1.

В действительности же количество аллофонов значительно меньше. Нельзя забывать, что многое здесь объясняется положением гласных фонем в слове и качеством соседних согласных. Видимо, слабая модификация гласных при дистрибуции принималась автором за их аллофоны.

Касаясь аспирации некоторых смычных согласных, А. Ф. Шеберг не указывает на отсутствие ее в интервокальном положении. Фонемы [k'] и [k], [g'] и [g], [l'] и [l] отнесены к двум вариантам, тогда как в узбекском языке таких вариантов нет. Фонема [φ] охарактеризована как бибиабильная глухая узкощелевая фрикативная, но в иллюстрирующих примерах ([fan] 'наука', [farz] 'обязательный') — лабиодентальная.

Напомним, что перед нелабиализованными гласными [φ] становится лабиодентальной, а перед лабиализованными (в словах типа [ɹɪfɪlɑtɹɔq] 'подувать') — бибиабильной.

По утверждению А. Ф. Шеберг, фонема [x] встречается только в начале слова тогда как она может находиться в любом положении: *махора* — название националь-

⁷ Ch. E. Bidwell. A structural analysis of Uzbek. American council of Learned societies, Program in Oriental Languages, Publications Series B-aids 3, Washington, 1955.

⁸ A. F. Sjöberg. Uzbek structural grammar, Bloomington, 1963. Indiana University publications. Ural and Altaic series, 18. См. также рец. К. Г. Менрека (American studies in Altaic linguistics Göttingische gelehrte Anzeigen, 215, 1g., 1963, стр. 237), И. Красского (Anree F. Sjöberg, Uzbek structural Grammar, "Acta orientalia", 32, 3, Budapest, 1964, стр. 466), А. М. Шербака (A. F. Sjöberg. Uzbek Structural Grammar, "Вопросы языкознания", 1965, № 2, стр. 105) и Э. И. Фазилова ("Узбек тили структурал грамматикаси" монографияси ҳақида, "Узбек тили ва адабиёти" журна-ли, 1968, 1-сон, 46-бет).

⁹ В круглых скобках приводим соответствующую букву узбекского алфавита.

ного блюда. *яхна* 'охлажденный', *яхши* 'хорошо', *шох* 'ветвь', *мих* 'гвоздь', *шух* 'шалун', *тарих* 'история' и т. п.

Различными по месту образования А. Ф.

Шеберг считает фонемы [ts] и [c]. Первую она относит к дентоальвеолярной, вторую — к палатальной. Фактически они одинаковы по месту образования. Обе состоят из двух элементов. Первый общий для них элемент [t]. Разница заключается во втором компоненте: в [ts] второй элемент [s], а в [c] — [ʃ].

По А. Ф. Шеберг, фонема [ʃ] одновариантна. Факты же языка свидетельствуют о наличии двух вариантов: [ʃ] и [n]. Например, в слове [maʃ] 'возьмите' явно слышится заднеязычный [ʃ], а в [jɔʃɔʒ] 'орех' — увулярный [n].

Автор пишет, что фонема [w] имеет три аллофона: [w], [v], [ʒ]. Мы же различаем два: [v] — лабиодентальный перед нелабиализованными гласными в словах типа [vaʃt] 'время' и [ʒ] — билабиальный перед лабиальными гласными в таких словах, как [ʒʒʒʒ] 'существо' и др.

К одноударным она причисляет звук [r], хотя таким он бывает очень редко, только в интервокальном положении. Чаще всего это — двухударный звук, иногда — трехударный.

В работе А. Ф. Шеберг много места отводится словесному ударению, но, вероятно, ввиду слабой разработки проблем ударения в тюркских языках она не сумела конкретно ответить ни на один вопрос.

Перечисление подобных недостатков, извлеченных из работ Ч. Бидулла и А. Ф. Шеберг, можно продолжить. Эти и прочие неточности объясняются, на наш взгляд, тем, что при классификации и описании сегментных фонем узбекского языка авторы исходили из артикуляционной базы английского языка.

Изучение звуковых последовательностей очень важно для описания фонологической системы языка. Каждому языку, как известно, присуще свое фонемное следование и чередование звуков в потоке речи. Сочетаемость фонем (в данном случае сочетаемость согласных — consonant clusters) — один из тех показателей, по которым различаются фонетические системы языков. Так, английскому языку присуще стечение согласных *str-*, *skl-*, *sl-*, *br-*, *tr-*, греческому — *ps-*, *ks-*, *ks-*, бирманскому — *hmw-*, *hmy-*, языку йоруба — *nkp-*, *ngb-* и т. д.

Узбекскому языку не было свойственно стечение согласных в начале слова, что объяснялось спецификой звуковой структуры узбекского слова, имеющей в основном форму CVCCVC. Заимствованные слова

с необычной структурой подвергались фонетической обработке. Например, *стакан* изменился в *истакон*, *стол* — в *устол* и т. д. Появившиеся перед стыком *st* — узкие гласные *и* и *у* гармонируют с находящейся за стыком гласной по лабиальности. Если за стыком следует лабиализованная гласная, стык примет *у* [u], если нелабиализованная, то — *и* [i].

Появление гласного призвук создает ложное впечатление невозможности начальных стечений согласных. Это, вероятно, и привело многих тюркологов, в том числе Ч. Бидулла и А. Ф. Шеберг, к ошибочным выводам.

Между тем в живой разговорной речи узбеков наблюдаются стечения согласных в начале слова в результате редукции узких гласных. Так, *билан* произносится *блан* (союз 'с'), *писта* — *пта* 'семячко', *қишлоқ* — *қишлоқ* 'село', *пичоқ* — *пчоқ* 'нож', *қизиқ* — *қиқ* 'интересно', *пишиқ* — *пишқ* 'прочный', *пучуқ* — *пучқ* 'курносый', *тушун* — *тшун* 'пойми', *тушак* — *тшак* 'матрац' и т. п.

Образование начальных стыков согласных в узбекских словах имеет следующие структурные формы: *ts-*, *tt-*, *tr-*, *tst-*, *tsr-*, где *s* обозначает шумные щелевые, *tt-* — шумные взрывные и аффрикаты, *r* — сонанты.

В результате редукции узкого гласного в первом закрытом слоге в словах типа

[psta] *писта* 'семячко', [qslɔq] *қишлоқ* 'село' слогообразующую роль выполняет щелевой согласный. В словах типа [ksi] *киши* 'некий' все согласные присоединяются к следующему слогу.

Несколько замечаний о языке информантов. Он очень далек от нынешнего узбекского языка. Употребляемые ими слова и обороты явно устарели. Например; *talaba* 'студент', *sugus* 'война', *ucuk* 'самолет', *ɔlmaniya* 'Германия', *apandim* 'господин', *qahwa* 'кофе'. А о таких примерах, как

haʊʒɔn kusaʏmaktadir 'зверь набирается сил', it palov ʏemaʏdi 'собака не ест плава', не знаешь, что и сказать. Вряд ли можно их назвать иллюстрирующим материалом современного узбекского литературного языка. Совершенно очевидно, что количество информантов и их состав — два образованных узбека — не располагали к удачному решению каких-либо вопросов фонологической структуры.

Но несмотря на существенные недостатки в фонологической классификации и оперирование авторами явно устаревшими языковыми формами, в обеих работах была достигнута цель дескриптивной лингвистики — показана дистрибуция и аранжировка элементов.

С. Атамираева, К. Тайметов

АНГЛИЙСКИЕ СВЯЗОЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ
«СОХРАНЕНИЕ ПРИЗНАКА ИЛИ СОСТОЯНИЯ» И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ
В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Система связочных глаголов английского языка в сопоставлении с узбекским языком до сих пор не была объектом исследования в нашей литературе. Здесь мы попытаемся рассмотреть семантику связочных глаголов со значением «сохранение признака или состояния» в именном составном сказуемом английского языка и их соответствия в узбекском языке.

Поскольку все связочные глаголы этой группы имеют одни и те же эквиваленты в узбекском языке, то в качестве примера нами взят связочный глагол to remain. Это — основной глагол группы связочных глаголов со значением «сохранение признака или состояния». Словарное значение его — «оставаться», а связочное — «продолжать находиться в том же качестве, оставаться там же». Оно, как отмечает М. М. Галинская, имеет следующие оттенки¹:

а) сохранять тот качественный признак, который был присущ субъекту издавна:

With his white head and his loneliness he had remained young and green at heart.

б) сохранять качественный признак, присущий субъекту в течение краткого времени, возникший незадолго до момента предикации:

...he so astonished his father, that the latter for instant remained dumb. („A Nest of the Gentry“ by I. Turgenev, p. 63).

Глагол to remain со значением «сохранение признака или состояния» в именном составном сказуемом выступает в сочетании с именем существительным, прилагательным, причастием. И для всех этих случаев в узбекском языке имеются соответствующие эквиваленты.

Так, глагол to remain в именном составном сказуемом со значением «сохранение признака или состояния» в структуре с именем существительным соответствует в узбекском языке обороту *булиб қолмоқ* в именном составном сказуемом с общим значением «оставаться», причем на сохранение признака или состояния в течение длительного времени указывают обстоятельственные слова *ҳамон*, *аввалгича* — «постоянно», «как и прежде».

Например:

...but how he reconciled that account with his words still remain a mystery to me („The Childhood“ by L. Tolstoy, p. 49).

...бирок узатган сёти билан айтган сўзлари бир-бирига қандай мос келгани менга ҳамон сир *булиб қолмоқда* (Л. Толстой. *Болалик*, 53-бет).

¹ М. М. Галинская. Глаголы, выполняющие функцию связи в английском языке, канд. дисс., М., 1944, стр. 364.

And we can remain friends Thomas? („The Quiet American“ by G. Green, p. 165).

Биз *аввалгича дўст бўлиб қоламизми?* (Г. Грин. Ювшо американик, 172-бет).

Глагол to remain в именном составном сказуемом со значением «сохранение признака или состояния», присущим субъекту издавна, в узбекском языке эквивалентен служебный глагол *қолмоқ* в именном и глагольном составном сказуемом.

Например:

...heard their footsteps die quickly away then he remained alone with the awful silence („The Prince and the Pauper“ by M. Twain, p. 102).

...қадам товушлари борган сари узоқлашаётганини сезди, даҳшатли бераҳм сукунат ичиди *ёлғиз қолди* (М. Твен. Шаҳзода ва гадо, 140-бет).

Ikonin again opened his mouth, but remained silent („Childhood“ by L. Tolstoy, p. 255).

Иконин озгини очди-ю, яна *индамай қолди* (Л. Толстой. *Болалик*, 250-бет).

В первом предложении служебный глагол *қолмоқ* входит в именное составное сказуемое и выполняет роль связочного глагола, указывая на предикативность и сохраняя свое исходное значение «оставаться».

Во втором предложении *қолмоқ* выступает в глагольном составном сказуемом в роли вспомогательного глагола и передает грамматическое значение лица, числа, времени, наклонения, а также указывает на сохранение признака или состояния, выраженного в ведущем компоненте.

В данном случае происходит почти полное сближение значений глагола *қолмоқ* как связочного глагола в именном и вспомогательного — в глагольном составном сказуемом.

Есть случаи, когда связочный глагол to remain в именном составном сказуемом соответствует в узбекском языке конструкции *қуя қол* в глагольном составном сказуемом со значением «сохранения признака или состояния».

Например:

...then he shrugged and remained silent („The Path of Thunder“ by P. Abrahams, p. 62).

...лекин ўйлаб *индамай қуя қолди* (П. Абрахамс. Чақмоқли йўллар, 50-бет).

Конструкция с глаголом to remain передаются на узбекский язык и с помощью глаголов состояния *турмоқ*, *ўтурмоқ*, *ётмоқ*, *юрмоқ*, *қолмоқ* в сочетании с элементом *-а-вер-*.

Например:

I did not understand what he was talking about so I remained silent („Childhood“ by L. Tolstoy, p. 17).

Бобом нима ҳақда гапирётганини бил-
долмай, *индамасдан туравердим*
(Л. Толстой. Болалик, 19-бет).
Lanny looked away and *remained silent*
(„The Path of Thunder“ by P. Abrahams,
p. 140).

Ленни орқасига ўгирилиб олиб *чурқ ат-
масдан тураверди* (П. Абрахамс.
Чақмоқли йуллар, 136-бет).

В этих предложениях форма *-а-вер-*, как
отмечает А. А. Юлдашев², указывает на
продолжительность действия, выраженно-
го в ведущем компоненте, *тураверды* пере-
дает значение «продолжал стоять».

В узбекском языке ведущим компонен-
том сложного глагола могут выступать все
глаголы состояния (*ётмоқ, юрмоқ, ўтирмоқ,
турмоқ, қолмоқ*), т. е. можно сказать *инда-
май туравердим, ётавердим, ўтиравердим,
юравердим, қолавердим*.

Вспомогательные глаголы указывают на
позиционную форму «бытия», а с прибавле-
нием формы *-а-вер-* значение «нахождение,
пребывание с определенным признаком»
дополняется новым оттенком, подчеркива-
ющим, что состояние субъекта в течение
длительного периода остается неизменным.

Глагол *to remain* в именном составном
сказуемом со значением «сохранение при-
знака или состояния», присущего субъекту
в течение краткого времени, возникшего
незадолго до момента предикации, пере-
дается на узбекский язык связочным глаго-
лом *қолмоқ*.

Например:

He *remained silent* for a while („Child-
hood“, by L. Tolstoy, p. 366).

У бир оз *жим қолди* (Л. Толстой.
Болалик, 355-бет).

Глаголу *to remain* в именном составном
сказуемом, как и другому английскому
связочному глаголу *to be*, в узбекском языке
соответствуют служебные глаголы
ётмоқ, юрмоқ, ўтирмоқ, турмоқ в именном
и глагольном составном сказуемом.

Например:

We *remained silent* for a while. („Youth“
by L. Tolstoy, p. 330).

Бир оз *жим ётдик* (Л. Толстой. Ўс-
мирлик, 320-бет).

The girl *remained silent* for a while,
then said („The Path of Thunder“ by
P. Abrahams, p. 112).

Қиз бир нафас *жим турди-да*, кейин
гапирди (П. Абрахамс. Чақмоқли
йуллар, 115-бет).

Таким образом, как в английском, так и
в узбекском языке для передачи значения
«сохранение признака или состояния»
используются служебные глаголы, но в от-
личие от английского в узбекском языке
эти глаголы могут быть осложнены дру-
гими служебными элементами, уточняю-
щими длительность сохранения данного
признака или состояния.

Н. Р. Қаримова

² А. А. Юлдашев. Аналитические
формы глагола в тюркских языках, М.,
1965, стр. 80.

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

ДОКУМЕНТ XVI ВЕКА ПО ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Среди источников по истории крупного феодального землевладения в Средней Азии важное место занимают документы из архивов шейхов Джуйбары, игравших большую роль в социально-политической жизни среднеазиатских ханств XVI—XVII вв.

Основным видом недвижимого имущества шейхов была земля. Судя по документам, орошаемые земли шейхов Джуйбары делились на наследственные мульки; земли, купленные шейхами; земли, подаренные шейхам их последователями; суюргальные земли, пожалованные шейбанидскими государями на правах дарубеста.

В нашем распоряжении имеется грамота (ярлык) Абдуллы-хана на имя ходжи Саьда (Ходжа Калон), освобождавшая земли, дукканы и другое имущество шейха от повинностей в пользу государства¹. В документе говорится, что «в соответствии с постановлением ... пусть они [налогоборщики] не требуют с местностей (мавзе), безводных земель (ёбисот), дукканов, суюргалов его светлости... ни мал, ни джихат, ни мукаррари, ни ихраджат, ни мирабона, ни кохи захиро, ни тархи сабун и другие... пусть все арбабы, старосты, кадухадары Бухарского вилайета подчиняются и претворяют в жизнь... Пусть не измеряют безводных земель его светлости...»

На обороте документа подробно перечислены селения, местности, дукканы, базарные ряды, освобожденные от податей и расположенные в г. Бухаре и восьми туманах:

«I. Туман Руд-и Шахр-и, местности, отданные в дарубест:

1. Мол² и мулки Джуй-и Зар; 2. Саманджук и принадлежащие к этим местностям; 3. Саьбабад; 4. Тал-и Алавиян — из безводных земель; 5. Работы Козок ханум;

6. Касаба-и³ Имом Бакр-и мазраи Мулло Курбон; 7. Приблизительно 500 танавов земли из Джуйбар-и Арз; 8. Ду Талон; 9. Сулакнен и Фришкен; 10. Навхас; 11. Се Пулон и Тал-и Афон; 12. Приблизительно 300 танавов земли из Джаднака; 13. Хаманда и Чучук Кунда; 14. Руд-и Саьд и асбоб Салор; 15. Сумитан, Кул-и Шодмон и работи Поен; 16. Дехча и Узкенди; 17. Файзабад и Салиабат; 18. Ош — Паймон; 19. Кишлок Кутлукшах; 20. Говшун и Кокана; 21. Андак, дукканы Навхасабад и дукканы Чорток; 22. Мазраи Шахсувар; 23. Сарвин; 24. Миргосум — из безводных земель 500 танавов и Тикончи; 25. Малах-дезо — из безводных земель, Зархарид, Каср-и Ишратхана, Халаджи Поен, Халаджи Боло; 26. Джузмундун, на Руд-и Шахр-и — 300 танавов, Кокол — 100 танавов; 27. Сухшоро; 28. Зажурон; 29. Дех-и Саджалль и Омон; 30. Кабола (кош аз зироаи Хосса); 31. Фошун и дехи Фошун; 32. Песарак — 500 танавов земли; 33. Талвон; 34. Джуй-и Мулиен; 35. Кул-и Лаглаки Поен; 36. Сари Пул-Али Сулейман; 37. Мазраи Мулло Султон и Бойим Асрор; 38. Тикончи; 39. Сулакнен; 40. Аркуд Фажна; 41. Сафкарда; 42. Тутук Кунда; 43. Кули Джукта; 44. Вагнар и Тали-Харб; 45. Корек и Убай Сарханг; 46. Асбоби мулло Махмуд и шох Хусейн; 47. 3 пекарни; 48. 5 бань; 49. 33 мельницы (осие); 50. Мултонийн Читгар в Саррафоне; 51. Кассоби, каллапази Мухаммад Кассоб ва Курбон; 52. Мельницы (харос-орд), находящиеся в распоряжении Аскарбия, сына Мансура рангрез, из квартала Косагарон; 53. Галантерейные дукканы [находящиеся в распоряжении] Мухаммеда Шарифа.

II. В Хутфарском тумане:

54. Кишлоки Ямгур и Джуй-и Мухаммади; 55. Маходик и Джуйбары Окмарзи; 56. Джузбандун; 57. Катта — 1200 танавов; 58. Кахштувон раняти Али — 2000 танавов; 59. Кахштувон Мир Божойн — 1150 танавов; 60. Тутон; 61. Халаджи Поен, Халад-

¹ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 54.

² Мол — в Бухаре часто обозначал хардж (см. Абу Бакр Мухаммед и би Наршахи. Бухоро тарихи, Тошкент, 1966, 93-бет).

³ Касаба — городок, большое село, местечко (см. О. Д. Чехович. Бухарские документы XIV в., Ташкент, 1965, стр. 216, прим.).

жило Боло, Одоги Канги, Тализогон; 62. Солибод; 63. Магутанон — аз дарубести—2050 танабов. 64. Қасабан Мансур; 65. Навхас — 400 танабов; 66. Мазраи ходжа Мулло. 67. Тажан — 400 танабов; 68. Могатон — 500 танабов; 69. Мазраи Кумок; 70. Мазран Мугоног; 71. Джуй-и Исфони и Джуй-и Нав — 200 танабов и 300 танабов; 72. Бозори Чахоршанба; 73. Дальмург — 150 танабов; 74. Қишлоқ Мугтён ёбис — 300 танабов; 75. Бозори Асфари; 76. Бозори Пайшанба; 77. Бозори Кухна; 78. Бозори Қасаба зандани.

III. В Хирканрудском тумане:

79. Мирабад; 80. Джандак — 900 танабов; 81. Явожун — 200 танабов; 82. Қасри; 83. Нахри синови Ашфина — 1000 танабов; 84. Хурмитан — 2000 танабов; 85. Руди Болон шох — 500 танабов; 86. Баржист — аз ёбиси кадим — 250 танабов; 87. Мазраи Мир Мухаммад аз Зарангари; 88. Қасаба Базван — дукканы, мельницы, бани; 89. Дагомиж — 2000 танабов; 90. Уста Шодиюн — 1500 танабов; 91. Джуй-и Косим Мирзо — 2000 танабов; 92. Работ Асфори — 50 танабов; 93. Мишодари — 850 танабов.

IV. Султанабад в Туркестане:

94. Камаржан, Ок-Тёпа, Девканд, Аройи; 95. Кул-и Джуйбар; 96. Дех-и Нав, Джаллабан — аз ёбиси; 97. Коми... — 400 танабов.

V. Султанабад Коми Абу Муслим:

98. Тали Сафид — 700 танабов; 99. Юксун — 500 танабов; 100. Санжо Мактох; 101. Мурга; 102. Емкатта; 103. Коровул; 104. Соки Баккол.

VI. Комот:

105. Нусратабад; 106. Наёкан; 107. Тали Замчин; 108. Работи Ардуз — 350 танабов;

109. Комоти Муганиян — 300 танабов; 110. Мирза Поянди Асил — 201 танаб; 111. Қасаба Вобканг — из дукканов сколько есть; 112. Шуристон — 40 танабов.

VII. Тароб и Хайрабад:

113. Кули-Мулки Арбог; 114. Нуршайх; 115. Нахри джаме; 116. Чахорбог, баня Рахмон-кули ходжа; 117. Дукканы — сколько есть; 118. Караван-сарай — сколько есть; 119. Далмул — 1500 танабов в Хайрабаде; 120. Тали-кулук; 121. Тали-барон — 300 танабов; 122. Бозори Харгуш; 123. Лабн джуй-и Хайрабад — аз каравул — 60 танабов; 124. Тали Эштулу.

VIII. В городе Бухаре:

125. 5 бань; 126. 4 караван-сарая; 127. 4 пекарни; 128. Мельниц (харос-орд) и маслобен — сколько есть; 129. Читгарон Саррафоне (дуккан пс продаже ткани) — сколько есть; 130. Бакалейные, чугунные дукканы в Қасри Ишрате; 132. Дукканы — сколько есть».

Всего в ярлыке перечислено 87 селений, около 28 840 танабов земли, 4 базарных ряда и т. д.

Как видно из документа, основные земельные владения Ходжи Саъда были расположены в тумане Руд-и Шахр-и Бухара. Эти обширные массивы, охватывавшие целые селения и местности, полностью принадлежали шейхам Джуйбари⁴. Они обрабатывались на основах издольщины крестьянами, которые находились в феодальной зависимости от шейхов и платили им различные налоги, а также несли многочисленны натуральные повинности.

Л. Рахманова

⁴ Кроме упомянутых в ярлыке мульков и суюргалов, шейхи Джуйбари владели многочисленными вакуфами, землями мулки-хурри-халис («обеленные»), оросительными каналами и т. д.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ ИСТОРИЮ УЗБЕКИСТАНА

(Обзор библиографических указателей)

В 1968 г. мы опубликовали краткие обзоры библиографических указателей по истории народного хозяйства и культуры Узбекистана, хранящихся в фондах Государственной публичной библиотеки УзССР им. А. Навои¹. Здесь мы предлагаем вниманию читателей аналогичный обзор некоторых указателей по истории Узбекистана.

Классики марксизма-ленинизма в переводах на узбекский язык. 1925—1940. Библиографический указатель. Сост. А. И. Агеев. Ташкент, 1941, 140 стр.

Указатель составлен по материалам тематических сборников, журналов и отдельных изданий переводов произведений классиков марксизма-ленинизма на узбекский язык. К указателю приложен список русских названий произведений, включенных в данное пособие.

Прямым продолжением этой работы являются два указателя, изданных типографским способом:

1. Маркс, Энгельс, Ленин асарларининг ўзбек тилидаги таржималарига библиографик кўрсаткич (1941—1949). Сост. Ф. И. Байбекова. Ташкент, 1950, 19 стр. (Библиографический указатель произведений Маркса, Энгельса, Ленина, переведенных на узбекский язык).

2. Маркс—Энгельс—Ленин асарларининг ўзбекча таржималарига. Библиографик кўрсаткич (1950—1963). Сост. Ф. И. Байбекова. Ред. М. Насырова, Ташкент, 1964, 24 стр. (Библиографический указатель произведений Маркса—Энгельса—Ленина, переведенных на узбекский язык).

В настоящее время ведется работа по составлению очередного выпуска указателя, охватывающего материалы за 1964—1968 гг.

Октябрьская революция и гражданская война в Средней Азии, Ташкент, 1941, 71 стр.

Указатель содержит почти полный перечень литературы о революционном движении на территории Средней Азии. Он составлен по материалам Государственной

публичной библиотеки УзССР им. А. Навои, Фундаментальной библиотеки ТашГУ им. В. И. Ленина и библиотеки Института истории партии при ЦК КПУз. Некоторые статьи сопровождаются аннотациями. Материал расположен в тематическом порядке. К указателю даны приложения: 1) Народное восстание 1898 г. в Андижане; 2) Народные волнения и восстания за период 1905—1912 гг.; 3) Восстание 1916 г. в Средней Азии.

Узбекистан в дни Великой Отечественной войны. Библиографический указатель, Ташкент, 1945, 161 стр. (1389 названий). Сост. зав. справочно-библиографическим отделом Н. Н. Бенедиктова.

В указателе собран материал об участии Узбекистана в Великой Отечественной войне, опубликованный на страницах советской печати. Основным источником послужили номера газеты «Правда Востока» военного времени. Книжки, вышедшие за эти годы, взяты выборочно. В указатель включены постановления партии и правительства, статьи, сообщения, заметки, очерки, стихи и др. Библиографический материал расположен в последовательности, облегчающей его изучение и воссоздание картины описываемых событий.

Аналогичный указатель составлен сотрудником библиотеки М. И. Султановым на узбекском языке:

Улуг Ватан уруши йилларида Ўзбекистон ССР. Библиографик кўрсаткич, Ташкент, 1946, 235 стр. (УзССР в годы Великой Отечественной войны; Библиографический указатель).

Подавляющее большинство статей, включенных в этот указатель, взято из газеты «Кызыл Узбекистан».

Ҷарбий китоб. Библиографик руйхат. Тўзучи: Ф. И. Байбекова. Ташкент, 1945, 52 стр. (Военная книга. Библиографический указатель. Сост. Ф. И. Байбекова).

Указатель содержит 204 описания. Большинство их снабжено аннотациями. Русские библиографии также имеют аннотации на узбекском языке. Материал в указателе расположен систематически, по видам военных изданий. Кроме книг на узбекском языке, приведен перечень печатных библи-

¹ См. «Общественные науки в Узбекистане», 1968, № 2, стр. 78; стр. 67.

ографических работ по отдельным отраслям военных знаний на русском языке. К указателю приложен именной перечень редакторов, составителей и переводчиков с ссылками на страницы основного текста.

Указатель к «Материалам для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и среднеазиатских республик» Е. А. Вознесенской и А. Б. Пиотровского. Сост. Е. К. Бетгер, Ташкент, 1943, 81 стр.

Работа Е. А. Вознесенской и А. Б. Пиотровского охватывает различные аспекты краеведческого характера. Составленный Е. К. Бетгером указатель облегчает читателю пользование этой работой. Указатель состоит из трех частей: 1) Систематический указатель предметных рубрик; 2) Алфавитный перечень предметных рубрик; 3) Указатель собственных имен.

А. И. Агеев и М. Н. Латыпова. Периодическая печать Узбекистана. 1917—1939. Библиографический указатель, Ташкент, 1940, 179 стр.

Указатель состоит из двух частей: 1) журналы; 2) газеты. В каждой из них материал расположен по языкам, а внутри разделов — по названиям журналов и газет в алфавитном порядке. По вспомогательным указателям — хронологическому и топографическому — можно проследить историю издательского дела в республике. К указателю дано «Приложение к алфавитному списку. 1870—1917. Дореволюционная периодика».

В 1960 г. была издана работа, также охватывающая период 1870—1917 гг.:

М. П. Авшарова. Русская периодическая печать в Туркестане. (1870—1917). Библиографический указатель литературы. Ташкент, Госиздат УзССР, 1960, 197 стр.

Указатель статей и заметок по археологии и истории Средней Азии, помещенных в газете «Туркестанские ведомости» за время ее существования (28 апреля 1870—15 декабря 1917). Сост. Е. К. Бетгер, Ташкент, 1926, 60 стр.

Материал расположен в хронологической последовательности, а внутри годов — в порядке номеров газет. В описаниях указан отдел, в котором помещен данный материал.

К указателю приложены два вспомогательных «ключа» — указатель авторов и предметный указатель.

Е. К. Бетгер. Указатель к официальной части «Туркестанских ведомостей» т. 1. 1870—1886, ч. 1—2, Ташкент, 1945—1947. Часть 1 — Указатель личных имен, 1945, XVI+230 стр. Часть 2 — Указатель географических наименований и предметов, 1947, 100 стр.

В указателе отражены приказы, протоколы, объявления, извещения и другие официальные документы, относящиеся к Туркестану и представляющие историческую ценность. Е. К. Бетгером проделана большая работа по установлению имен и отчеств лиц, вошедших в указатель (3648 лиц), с распределением их по местностям, ведомствам, профессиям и специальностям. В предисловии дан список использованной автором литературы.

Описанные указатели хранятся в Отделе национальной библиографии Государственной публичной библиотеки УзССР им. А. Навои и могут быть использованы исследователями, изучающими историю Узбекистана.

М. Я. Яровицкая

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ТРАДИЦИОННАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ЖИЗНИ
И ТВОРЧЕСТВУ ХАМЗЫ

В марте 1969 г. в Ташкенте состоялась организованная Институтом языка и литературы АН УзССР VIII традиционная конференция, посвященная жизни и творчеству основоположника узбекской советской литературы Хамзы Хаким-заде Ниязи.

Конференцию открыл академик АН УзССР, председатель правления Союза писателей Узбекистана Камиль Яшен. В кратком вступительном слове он выразил уверенность, что конференция, проводимая в 80-ю годовщину со дня рождения Хамзы, откроет новые страницы в изучении его замечательного наследия.

Участники конференции с большим интересом заслушали и обсудили ряд докладов и сообщений по различным аспектам творчества Хамзы.

Доклад доктора искусствоведения М. Рахманова был посвящен анализу последнего сценического варианта пьесы «Бай и батрак». Канд. филол. наук, преподаватель Ташкентского государственного педагогического института А. Бабаханов сделал доклад о роли Хамзы в истории узбекской педагогической мысли. Доцент Ленинадского государственного педагогического института Э. Шадиев ознакомил участников конференции с новыми

изысканиями о таджикских стихах Хамзы. О переосмыслении некоторых сторон творческого мастерства поэта говорил канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института языка и литературы АН УзССР Г. Муминов.

Значительное место на конференции заняла тема связей Хамзы с современниками. Научный сотрудник ИЯЛ АН УзССР Т. Расулев выступил с докладом «Хамза и Суфи-заде», где, в частности, отметил влияние Хамзы на некоторые стороны поэтики Суфи-заде. Преподаватель Ферганского государственного педагогического института М. Матгазиев рассказал о творческих контактах Хамзы и Надими. Проблеме отношения к Хамзе хорезмских поэтов 20-х годов посвятил свое выступление аспирант ИЯЛ АН УзССР Н. Кабулов. Много свежих наблюдений над языковыми особенностями поэтики и драматургии Хамзы содержало сообщение аспиранта ИЯЛ АН УзССР Б. Турдыалиева.

Проведение конференции явилось новым свидетельством большого внимания наших филологов к творчеству Хамзы Хаким-заде Ниязи.

В. Н. Ли

Б. Дж. ДЖУРАЕВ (1925—1969)

20 апреля 1968 г. скоропостижно скончался заведующий сектором историко-сравнительного изучения узбекского языка Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР, заместитель директора по науке, кандидат филологических наук Балтабай Джураевич Джураев.

В расцвете сил и творческой энергии ушел от нас видный ученый-лингвист, талантливый

организатор научных исследований, человек высокой культуры.

Б. Дж. Джураев родился 13 ноября 1925 г. в Kitabском районе Кашкадарьинской области в семье кустаря. После окончания средней школы он поступил в Самаркандский учительский институт им. А. М. Горького, который окончил в 1949 г. С 1950 по 1955 г. Б. Дж. Джураев учился на филологическом факультете Самаркандского государственного университета им. А. Навои. По окончании университета он прошел теоретический курс очной аспирантуры Института языкознания АН СССР.

В 1959 г. Балтабай Джураевич успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Шахрисабзский говор узбекского языка».

С 1958 г. научная деятельность Б. Дж. Джураева проходит в стенах Института

языка и литературы АН УзССР. С 1959 по 1962 г. он работал старшим научным сотрудником, в 1962 г. был назначен заместителем директора Института по науке, а с 1966 г. одновременно возглавлял сектор историко-сравнительного изучения узбекского языка. С 1959 г. Б. Дж. Джураев был членом Ученого Совета Института. На посту заместителя директора Института Б. Дж. Джураев проделал большую научно-организационную работу.

Балтабай Джураевич в течение многих лет вел плодотворные исследования в области узбекского языкознания. Его перу принадлежат фундаментальные исследования «Шахрисабзский говор узбекского языка», «Узбекские говоры Верхней Кашкадарьи», более 30 научных статей. Эти труды получили высокую оценку научной общественности. Незадолго до кончины Б. Дж. Джураев завершил работу над докторской диссертацией на тему «Узбекские говоры Верхней Кашкадарьи».

Балтабай Джураевич принимал активное участие в подготовке квалифицированных научных кадров, осуществляя научное руководство аспирантами и соискателями.

Член КПСС с 1955 г. Б. Дж. Джураев неоднократно избирался членом партбюро Института и вел большую общественную работу.

Светлый образ Балтабая Джураевича — замечательного ученого-лингвиста, принципиального коммуниста, человека кристальной души, скромного и отзывчивого товарища — навсегда останется в наших сердцах.

А. С. Садыков, И. М. Муминов, М. К. Нурмухамедов, К. Х. Ханазаров, А. Х. Хайитметов, Ш. Ш. Шаабдурахманов, М. А. Алавия, И. А. Султанов, Ю. С. Султанов, Ф. А. Абдуллаев, Х. Т. Зарифов, С. И. Ибрагимов, С. Г. Ганиева, В. Н. Ли, Э. М. Магрифов, С. М. Муталибов, Т. М. Мирзаев, А. У. Усманов, Э. И. Фазилов, Х. И. Якубов, М. Насыров, Н. Ф. Каримов, Ш. Шукуров, К. Мелиев и др.

МУНДАРИЖА

В. И. Ленин тугилган куннинг 100 йиллигига доир

Р. А. Нуруллин. Туркистонда 1918—1920 йилларда меҳнат ресурсларини сафарбар қилиш ленинча принципнинг амалга оширилиши	3
В. Ш. Богдасаров. Ўзбекистонда 1956—1965 йилларда индустриал тараққиётнинг муваффақиятлари	9
А. Нуруллаев. Ўзбекистон қишлоқ хўжалигида механизатор кадрларнинг етишиб чиқиши ва улар сафининг кенгайиши	15
Г. М. Миньковский, Б. И. Пинхасов. «Хужжат» ва «ашёвий далил» тушунчаларининг ўзаро муносабати	22 27
А. М. Куликова. Россияда университет шарқшунослигининг ташкил топиши.	

Илмий ахборот

Б. Воҳидов. Фонд ва электрлаштиришнинг меҳнат унумдорлиги ўсишига таъсири (Ўзбекистон ССР қишлоқ хўжалиги машинасозлик корхоналари материаллари бўйича)	35
Э. С. Тўхтаев. Ўзбекистон колхозларида меҳнат ресурсларидан рационал фойдаланиш масаласига доир	37
Х. Раҳмонқулов. Чорвачилик маҳсулотлари харажатларини камайтириш резервлари ҳақида	38
Э. Салимов. Ижтимоий фикр ва ахлоқ	39
В. Р. Маннонов. Туркистон АССРда прокуратурани ташкил қилиш тарихидан	41
А. Алимов. XIX асрнинг охирида Туркистонда савдонинг ривожланиши	43
Б. Аминов. XIX асрнинг охири ва XX асрнинг бошларида Мирзачўл аҳолисининг этник таркиби	45
О. В. Обельченко. Афросиёб шаҳри қазилмасидан топилган шахмат асписи.	47
Х. Дукс. Ўзбекистонда кейинги бронза даври керамикасининг қоғиштирма характеристикасига доир	48
С. Отамирзаева, Қ. Тойметов. Ўзбек фонологиясининг айрим масалалари	49
Н. Р. Қаримова. Белги ёки ҳолат сақланган маъноли инглиз боғловчи феъллари ва уларнинг ўзбек тилидаги эквивалентлари	53

Архив саҳифаларидан

Л. Раҳмонова. Урта Осиёда феодал ер эгаллиги тарихи юзасидан XVI аср хужжати.	55
---	----

Танқид ва тақриз

М. Я. Яровинская. Ўзбекистон тарихини ўрганувчиларга ёрдам (Библиографик кўрсаткичлар обзори)	57
---	----

Илмий ҳаёт хроникаси

В. Н. Ли. Ҳамза ҳаёти ва ижодига бағишланган традицион конференция	59
<u>Б. Ж. Жўраев (1925—1969)</u>	60

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина

Р. А. Нуруллин. Осуществление ленинских принципов мобилизации трудовых ресурсов в Туркестане 1918—1920 годов.	3
В. Ш. Багдасаров. Успехи индустриального развития Узбекистана в 1956—1965 годах.	9
А. Нуруллаев. Создание и рост кадров механизаторов сельского хозяйства Узбекистана.	15
Г. М. Миньковский, Б. И. Пинхасов. Соотношение понятий «документ» и «вещественное доказательство».	22
А. М. Куликова. Зарождение университетского востоковедения в России.	27

Научные сообщения

б. Вахидов. Влияние фондо- и электровооруженности на рост производительности труда (По материалам предприятий сельскохозяйственного машиностроения УзССР).	35
Э. С. Тухтаев. К проблеме рационального использования трудовых ресурсов в колхозах Узбекистана.	37
Х. Рахманкулов. О резервах снижения издержек производства в животноводстве.	38
Э. Салимова. Общественное мнение и нравственность.	39
В. Р. Маннанов. Из истории создания прокуратуры в Туркестанской АССР.	41
А. Алимов. Развитие торговли в Туркестане конца XIX века.	43
Б. Аминов. Этнический состав населения Голодной степи в конце XIX—начале XX века.	45
О. В. Обельченко. Шахматный конь с городища Афрасиаб.	47
Х. Дукее. К сравнительной характеристике керамики эпохи поздней бронзы в Узбекистане.	48
С. Атамирзаева, К. Тайметов. Некоторые вопросы узбекской фонологии.	49
Н. Р. Каримова. Английские связочные глаголы со значением «сохранение признака или состояния» и их эквиваленты в узбекском языке.	53

По страницам архивов

Л. Рахманова. Документ XVI века по истории феодального землевладения в Средней Азии	55
---	----

Критика и библиография

М. Я. Яровинская. В помощь изучающим историю Узбекистана (Обзор библиографических указателей).	57
--	----

Хроника научной жизни

В. Н. Ли. Традиционная конференция, посвященная жизни и творчеству Хамзы.	59
<u>Б. Дж. Джураев. (1925—1969)</u>	60

Редактор *С. Ким*
Технический редактор *В. Тарахович*

P15434. Сдано в набор 22/V-69 г. Подписано к печати 4/VII-69 г. Формат $70 \times 108 \frac{1}{16} = 2,0$. бум. л.—
5,6 печ. л. Уч.-изд. л.—5,0. Изд. № 211. Тираж 1623. Цена 40 к.

Типография Изд-ва «Фан», г. Ташкент-32, ул. Черданцева, 21. Заказ № 106.
Адрес Изд-ва: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ

«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ»

на второе полугодие 1969 г.

Подписка принимается всеми отделениями и агентствами «Союзпечати», узлами и отделениями связи, а также общественными распространителями печати.

Подписная цена на полугодие — 2 руб. 40 коп.

Цена 40 коп.

Индекс
75349